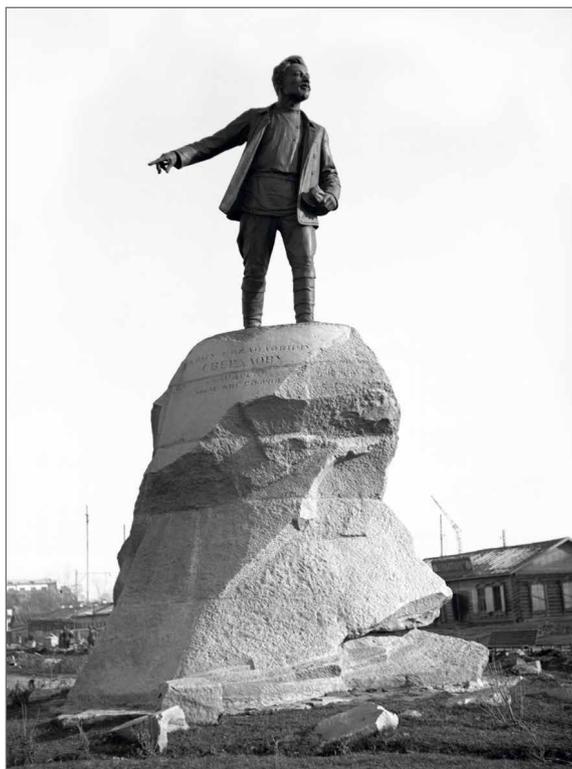

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИСТОРИЯ ГОРОДА В ФОТОГРАФИИ

Том II. 1914 – 1950-е годы

Фотоальбом. Екатеринбург. История города в фотографии. Том II —

Екатеринбург: Некоммерческая организация – Фонд “Фонд развития фотографии”, 2015. — 208 с.; илл.

Составители: А. В. Беркович, О. Ю. Сарафанов

Тексты, оформление, макет, вёрстка: А. В. Беркович

В издании использованы фотографии из фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Музея истории Екатеринбурга (МИЕ), Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), Музея истории УЗТМ (Музей УЗТМ) и частных архивов.

© А. В. Беркович

© Некоммерческая организация – Фонд “Фонд развития фотографии”

Управление культуры
Администрации Екатеринбурга

Государственный Архив
Свердловской Области

Photo album. Ekaterinburg. History of the city in photographs. Volume II —

Ekaterinburg: Photography Development Fund, 2015. — 208 p.; illustrated.

Compilation: A. V. Berkovich, O. Y. Sarafanov

Texts, design, layout: A. V. Berkovich

The album features photographs from Sverdlovsk Oblast State Archive (GASO), Sverdlovsk Oblast Center for Documentation of Public Organizations (CDOOSO), Ekaterinburg History Museum (MIE), The Russian State Documentary Film & Photo Archive (RGAKFD) UZTM History Museum (UZTM museum) and private archives.

© A. V. Berkovich

© Photography Development Fund (Ekaterinburg)

Ekaterinburg City Administration
ekburg.ru

EKATERINBURG

HISTORY OF THE CITY IN PHOTOGRAPHS

Volume II. 1914 – 1950s

Ekaterinburg. 2015

Первая половина XX века была благодатным временем для фотографии. В этот период, когда газеты и журналы уже могли печатать изображения на высоком уровне, а телевидение ещё не составляло конкуренции, именно фотография формировала визуальный образ времени. Появилась фотожурналистика, рассказывающая о важных событиях в жизни людей.

Екатеринбург XIX века кажется нам как будто застывшим во времени: строились здания, мостились улицы, но это не меняло ни внешнего облика города, ни структуры общества. В XX веке история начала развиваться в революционном ритме. За два-три десятилетия стремительно росла численность населения, появлялись новые районы, совсем другая архитектура, иные моды и тип лиц. Одновременно, без следа исчезали старые дома — свидетели жизни прошлых поколений.

Революция и Гражданская война смели буржуазию, исчез частный домовладелец — основа всего уклада жизни дореволюционного города. Советская власть строила общество с опорой на коллектив, а не личность. Демонстрации, парады, субботники, стройки — основные сюжеты снимков. В дореволюционное время фотографии толпы или хотя бы группы людей на улице встречались редко, в советский же период они заметно преобладали. Отдельно взятый человек растворялся в величии замысла построения коммунизма. Если до Революции работа профессионального фотографа определялась рынком, то при Советской власти — идеологией и цензурой.

История репортёрской фотографии на Урале начинается с 1920 года с деятельности фотоотдела Уральского отделения Российского телеграфного агентства (располагался в бывшем доме Метенкова). В УралРОСТА работали несколько фотографов, однако, снимки публиковались без указания авторов. Выбор тем и событий определялся задачами пропаганды.

С 1923 по 1925 годы в Свердловске издавался политический и литературный журнал “Товарищ Терентий”. На его страницах печатались Владимир Маяковский и Алексей Толстой, дебютировали Илья Ильф и Павел Бажов. Журнал был иллюстрирован сатирическими рисунками и фотографиями. За редким исключением, авторство снимков в журнале, как и на страницах “Уральского рабочего”, не указывалось. К фотографу относились как к ремесленнику, выполнявшему поручение редакции. Но мы знаем имя фотографа, для которого работа в “Товарище Терентий” стала началом большого пути в профессии. Его звали Леонид Сурин.

Значение наследия Леонида Михайловича Сурина (1894—1964) сопоставимо с наследием Вениамина Метенкова. В архиве хранятся порядка 10 тысяч негативов Сурина, снятых за три с лишним десятилетия. Он родился в 1894 году в Екатеринбурге в семье стрелочника. В юности служил на телеграфе, а в свободное время разъезжал по сёлам, подрабатывая фотографом. В 1924 году “Товарищ Терентий”, а позже “Уральский рабочий” пригласили его на постоянную работу.

Леонид Сурин добросовестно потрудился для истории. По заданию редакции он много снимал “великие стройки”, знаменитых гостей города, участвовал в этнографической экспедиции на Ямал. Его снимки публиковались даже в московских изданиях. Но он умел смотреть вперёд и фиксировал аппаратом то, что в данный момент не интересовало газету, выбирая такие сюжеты, которые в будущем могли бы дать выразительную картину времени.

В 1934 году язва желудка заставила фотографа уйти на пенсию. Девять сложнейших операций превратили сорокалетнего мужчину в инвалида, но он не бросил дела, которое считал своим призванием. В годы Великой Отечественной войны Сурин снимал в госпиталях, в детских больницах и ремесленных училищах. Его фотографии удивительно человечны. Камера не отворачивалась от солдат, потерявших на фронте руки, ноги или глаза, от рахитичных детей, больных туберкулёзом. Сурин лучше других знал, что такое физическое страдание и какой ценой оплачена Победа.

В послевоенный период фотограф нашёл для себя новое увлечение — краеведение. Он помнил дореволюционный Екатеринбург, много снимал выросший на его глазах Свердловск 1930-х годов. И вот в 1950-е годы город снова радикально менялся, росли новые кварталы и районы. Леонид Михайлович делал репродукции старых фотографий, работал со своим необъятным архивом и продолжал фотографировать на улицах Свердловска. Сопоставляя места и эпохи, он наглядно показывал ход истории, свидетелем и участником которого являлся.

После войны в уральскую фотографию пришло поколение фотографов—фронтовиков, определивших её лицо на десятилетия. Среди них Иван Николаевич Тюфяков (1913—1987), Анатолий Андреевич Грахов (1923—2011) и другие. Они были профессионалами своего дела, прекрасно знали, что и как можно снимать, а что нельзя. Но в архивах фотографов сохранялось многое из того, что не было позволено цензурой. Так в 1956 году Анатолий Грахов был приглашён для съёмки в лагерь для немецких военнопленных под Нижне-Исетском. Плёнки у него забрали, но одну он сумел вынести в фотоаппарате. На публикацию этих фотографий, разумеется, рассчитывать не приходилось.

Фотография, как вино, со временем становится лучше. В начале 1930-х годов фотографы БТИ засняли весь Свердловск, буквально здание за зданием. Фотографии использовались в практических целях, но с течением лет они превратились в уникальные исторические документы. То же самое можно сказать про бытовые фотографии и любительские архивы. Когда-то они были интересны только узкому кругу людей, но сегодня мы всматриваемся в эти изображения, надеясь почувствовать подлинный аромат эпохи, который невозможно подделать.

Артём Беркович

The first half of the 20th century was a favorable time for photography. During this period, when newspapers and magazines had already been able to print high quality images, and television had not yet become a competition, it was photography that was forming the visual image of the era. Photojournalism emerged, recounting important events in people's lives.

Ekaterinburg of the 19th century appears to us as if frozen in time: buildings were being constructed, streets were being paved, but this changed neither the look of the city, nor the structure of its society. In the 20th century history started developing in revolutionary rhythm. Within two or three decades population grew rapidly, new districts appeared with quite a different architecture, new fashions and types of faces emerged. At the same time old buildings — witnesses of past generations' lives — disappeared without a trace.

The Revolution and Civil War pushed aside the bourgeoisie; the class of private householders — the very basis of the city's lifestyle before the Revolution — disappeared completely. The Soviet government was building the society based on community of people, not individuals. Demonstrations, parades, community service days, and community construction projects became the main subjects of photography. Before the Revolution, pictures of a crowd or even a group of people on the street were rare, while in the Soviet era they prevailed noticeably. Any individual person dissolved in the greatness of the communism idea. A professional photographer's job was determined by the market before the Revolution, and by ideology and censorship during the Soviet era.

The history of photojournalism in the Urals began in 1920, with the photography department of the Ural branch of the Russian Telegraph Agency (UralROSTA), located in the former Metenkov's house. Several photographers worked here, however the images produced were published anonymously. Propaganda tasks determined the choice of subjects and events.

From 1923 to 1925 a political and literary journal "Comrade Terentiy" was printed in Sverdlovsk. On its pages, Vladimir Mayakovsky and Alexey Tolstoy were published, Ilya Ilf and Pavel Bazhov had their respective debuts. The journal was illustrated with satiric drawings and photos. With few exceptions, authorship of the photos in the journal was not indicated, just like on the pages of "Uralskiy Rabochiy" newspaper. A photographer then was regarded as craftsman, simply completing editorial assignments. But we know of one successful photographer who had a start in profession working for "Comrade Terentiy". His name is Leonid Surin (1894–1964).

The value of Leonid Surin's legacy could be compared to that of Veniamin Metenkov's. Around 10 thousand negatives, made by Surin in over three decades, are currently stored in local archives. The photographer was born in 1894 in Ekaterinburg, to a family of a railway switchman. In his youth Surin worked at a telegraph office, and during free time traveled the countryside earning extra money as a photographer. In 1924, "Comrade Terentiy", and later "Uralskiy Rabochiy" offered him a regular job.

Leonid Surin worked hard for history. On editorial assignment he photographed “the great construction projects” and famous visitors to the city, participated in the ethnographical expedition to Yamal Peninsula. His shots were published even in Moscow periodicals. He also looked forward into the future and recorded on film the subjects that did not interest the newspaper at the time, but would later provide an expressive portrait of the era.

In 1934, a gastric ulcer forced him to retire. Nine complicated surgeries turned the 40-year-old man into a disabled person, but he did not leave the work he considered his calling. During the Great Patriotic War Surin took pictures in hospitals, clinics for children and vocational schools. His photographs are amazingly humane. The camera did not turn away from soldiers who lost limbs or eyes at the front, from rickety children with tuberculosis. Better than many, Surin knew what physical suffering meant and what price had been paid for the Victory.

In the postwar period the photographer found a new field of interest — local history. He remembered Ekaterinburg before the Revolution, then photographed the growing before his eyes Sverdlovsk of the 1930s. And now, in the 1950s, with new quarters and districts emerging, the city was dramatically changing yet again. Leonid Surin made reproductions of the old photos, worked with his immense archive and continued taking pictures of Sverdlovsk. Collating and comparing places and epochs, he visually demonstrated the course of history, a witness and participant of which he had been.

After the war, the photography field in the Urals was occupied by the generation of battlefront photographers, who determined its character for decades. Among them were Ivan Nikolayevich Tyufyakov (1913–1987), Anatoliy Andreyevich Grakhov (1923–2011) and others. They were real professionals, fully aware of what and how was allowed to shoot and what was not. But their personal archives preserved much of what hadn’t passed censorship. In 1956 Anatoliy Grakhov was invited to photograph a prison camp for German soldiers near Nizhne-Isetsk. Afterwards, all negatives were collected by authorities, except for one he managed to carry out inside his camera. He could not expect to publish these pictures, of course.

A photograph, like wine, only gets better with time. In the early 1930s staff photographers of the Bureau for Technical Inventory (BTI) recorded on film all of Sverdlovsk, literally building by building. Those photographs were used for solely practical purposes, but over time they turned into unique historical documents. The same could be said about photographs depicting everyday life and amateur archives. They were once interesting to only a limited number of people, but nowadays we all look at these images, hoping to feel the authentic flavor of the era, which can’t be fabricated.

Artem Berkovich

Вознесенский проспект. Зима 1918—1919 годов. Частный архив

Voznesensky Avenue. Winter of 1918—1919. Private archive

Первая мировая война стала одной из переломных точек в истории. С неё начался, по словам Анны Ахматовой, “не календарный — настоящий Двадцатый Век”. Для России последствия войны оказались трагичными. Падение монархии в феврале и приход к власти большевиков в октябре 1917 года начали новый отсчёт времени.

Екатеринбург переживал перипетии истории вместе со всеми. Около 10 тысяч екатеринбуржцев ушли на фронт, общественные здания были преобразованы в госпитали для раненых. Энтузиазм весны 1917 года быстро сошёл на нет. Институты власти деградировали, улицей овладевали бандиты, толпы вооружённых солдат громили город.

Правление большевиков произвело удручающее впечатление. Национализация собственности, арест представителей буржуазии, расстрелы без суда — люди бежали из города, стараясь где-нибудь укрыться. Кульминацией красного террора стал расстрел в ночь с 16 на 17 июля 1918 года семьи Николая II и всех, кто находился с ним в заключении в доме инженера Н. Ипатьева.

28 июля 1918 года передовые отряды чехов вошли в Екатеринбург. Чехословацкий корпус, созданный в России во время Первой мировой, в мае 1918 года выступил против большевиков. Чехи сыграли заметную роль в ходе гражданской войны на Урале, многие их военачальники перешли на службу к Александру Колчаку. С января 1919 года чех по национальности генерал Радола Гайда командовал Сибирской армией.

15 июля 1919 года войска красных вновь заняли Екатеринбург. Накануне многие из интеллигенции и буржуазии покинули город, оставленные дома и имущество были национализированы. Времена, где основу городского общества составляли домовладельцы, а купеческие фамилии вели бизнес поколениями, навсегда ушли в прошлое.

В 1920 году в Екатеринбурге предприятия не работали, специалисты уехали, свирепствовал тиф. Власть использовала военные методы: продразвёрстка, мобилизация населения в трудовую армию и на субботники. Однако положение в экономике постепенно выправлялось. Большим успехом стал пуск железной дороги Екатеринбург—Казань.

World War I was one of the turning points in history. It marked, according to Anna Akhmatova, “not the calendar one, but the real Twentieth Century”. Consequences of this war were tragic for Russia. The fall of monarchy in February and the Bolsheviks coming to power in October of 1917 commenced a whole new era.

Ekaterinburg went through the historic turbulence with the rest of the country. Around ten thousand of its residents went to the battlefield, municipal buildings were transformed into hospitals for the wounded. The enthusiasm of the spring of 1917 faded away quickly though. Government institutions were degrading, the streets were occupied by criminal gangs, and groups of armed soldiers looted the city.

The Bolsheviks governing made a painful impression. Nationalization of private property, arrests of the bourgeois, executions without trial — people were running from the city, trying to find shelter elsewhere. The culmination of the “red terror” was the execution on the night of July 16 to July 17, 1918 of Nicholas II, his family and all people who had been kept prisoners with him in the engineer N. Ipatiev’s house.

On July 28, 1918 the vanguard of the Czech Legion marched into Ekaterinburg. The Czech Legion, formed in Russia during World War I, in May 1918 revolted against Bolshevik authorities. The Czechs played a notable role during the Civil War in the Urals, most of their commanders joining Alexander Kolchak’s army. From January 1919 a Czech general Radola Gajda was in charge of the Siberian Army.

On July 15, 1919 the red forces occupied Ekaterinburg once again. Anticipating this, many of the intelligentsia and bourgeois left the city, their unattended houses and property later nationalized. The city, where the lifestyle had been based on private homeownership and where merchant families had been in business for generations, was now a thing of the past forever.

In 1920, the businesses in Ekaterinburg did not work, the specialists were gone, and typhoid fever was raging in the city. The authorities used military methods of governing: food confiscation and rationing, mobilization of the population for a “labor army” and community service days. However the economic situation was gradually recovering. The launch of Ekaterinburg—Kazan railway turned a great success.

Команда Музыки 195-го пехотного Орвайского полка. 1912 год. Частный архив
Music team of the 195th infantry Oravais regiment. 1912. Private archive

“Ekaterinburgskiyе Eparchialnye Vedomosti” from February 5, 1912 on the regimental church: “On January 27 the newly built church of the 195th Oravais regiment was consecrated by His Grace Mitrophan. The completion of the new church was greatly aided by donations and personal efforts from the well-known local benefactor Alexandra Nikandrovna Vaganova. Only due to her generous sympathy the Oravais regiment now had its own church.”

“Екатеринбургские епархиальные ведомости” от 5 февраля 1912 года о полковой церкви: “27 января освящён его преосвященством Митрофаном новосозданный храм 195-го Оровайского полка. Делу окончания постройки нового храма много помогла своими пожертвованиями и личным трудом известная местная благотворительница Александра Никандровна Ваганова. Только благодаря её щедрой отзывчивости Оровайский полк оказался владельцем собственного храма”.

Полковой адъютант 195-го Оровайского пехотного полка поручик Пётр Рожко (1885–1930) и Александра Никандровна Ваганова (?). 1913 год. *Частный архив*
195th infantry Oravais regiment adjutant lieutenant Petr Rozhko (1885–1930) and Alexandra Nikandrovna Vaganova (?). 1913. *Private archive*

Офицеры 335-го пехотного Анапского полка перед отправлением на фронт (в центре — полковник М. Полянский). Вознесенский проспект. Август 1914 года. ЦДООСО
Officers of the 335th infantry Anapa regiment before leaving for the battlefield (in the center — colonel M. Polyansky). Voznesensky Avenue. August 1914. CDOOSO

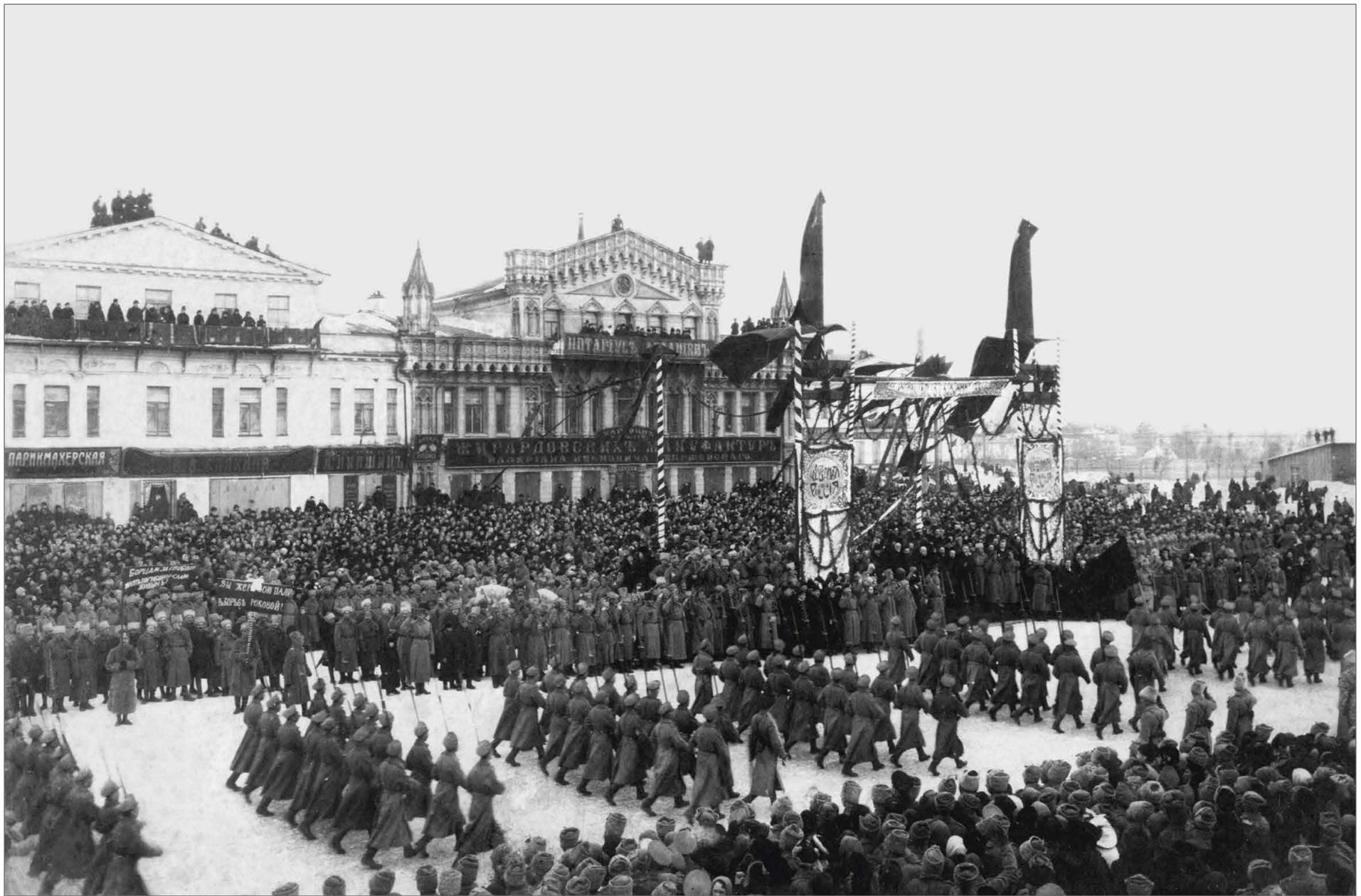
Мобилизованные жители Екатеринбурга и уезда перед отправлением на фронт. 335-й Анапский пехотный полк. 1914 год. Частный архив
Mobilized residents of Ekaterinburg and uyezd before leaving for the battlefield. 335th infantry Anapa regiment. 1914. Private archive

From the memoirs of Agrippina Korevanova: “The street appeared completely filled with people, horses, and carts. Some hang their heads low; the others were singing dolefully and stretching the harmonics without mercy. Women were walking next to the carts, many of them crying and lamenting, as if for a deceased. I asked, “What happened? Where is everyone going?” And the answer was, “War”. The road was not wide enough for the crowd. People filled the sidewalks, and it was now impossible to tell who was walking, and who was riding. Looking from the outside, it seemed as if the horses, not able to push through the crowd, simply crushed people down, and they were screaming and crying in response. While some were singing, for some reason.”

Воспоминания Агриппины Коревановой: “Улица оказалась сплошь запруженной людьми, лошадьми и телегами. Одни низко опустили головы, другие уныло пели и безжалостно рвали гармонии. Рядом с телегами шли женщины — многие из них плакали и причитали, как по покойнику. Я спросила: “— Что случилось? Куда это едут? — Война...”. Мостовая не вмещала толпу. Люди заполнили тротуары, и уже трудно было разобрать — кто идёт, кто едет. Со стороны казалось, что лошади, не будучи в силах пробиться через толпу, подминают под себя людей, а те кричат и плачут. А некоторые почему-то поют”.

Прапорщик 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полка Борис Герасимов (1896–1970). 1915 год. *Частный архив*
Warrant officer of the 2nd infantry Sofia regiment named after Emperor Alexander III, Boris Gerasimov (1896–1970). 1915. *Private archive*

Праздник в честь Февральской революции. 10 марта 1917 года. МИЕ
Celebration of the February Revolution. March 10, 1917. MIE

Группа екатеринбуржцев. Зима 1918 года. Частный архив
A group of Ekaterinburg residents. Winter of 1918. Private archive

Похороны красноармейцев, погибших в боях с казаками атамана А. Дутова. Февраль 1918 года. МИЕ
Funeral of the Red Army soldiers who died in battles with ataman A. Dutov's cossacks. February 1918. МИЕ

Отряд Красной гвардии завода Злоказова. 1918 год. МИЕ
Zlokazov's factory Red guards detachment. 1918. MIE

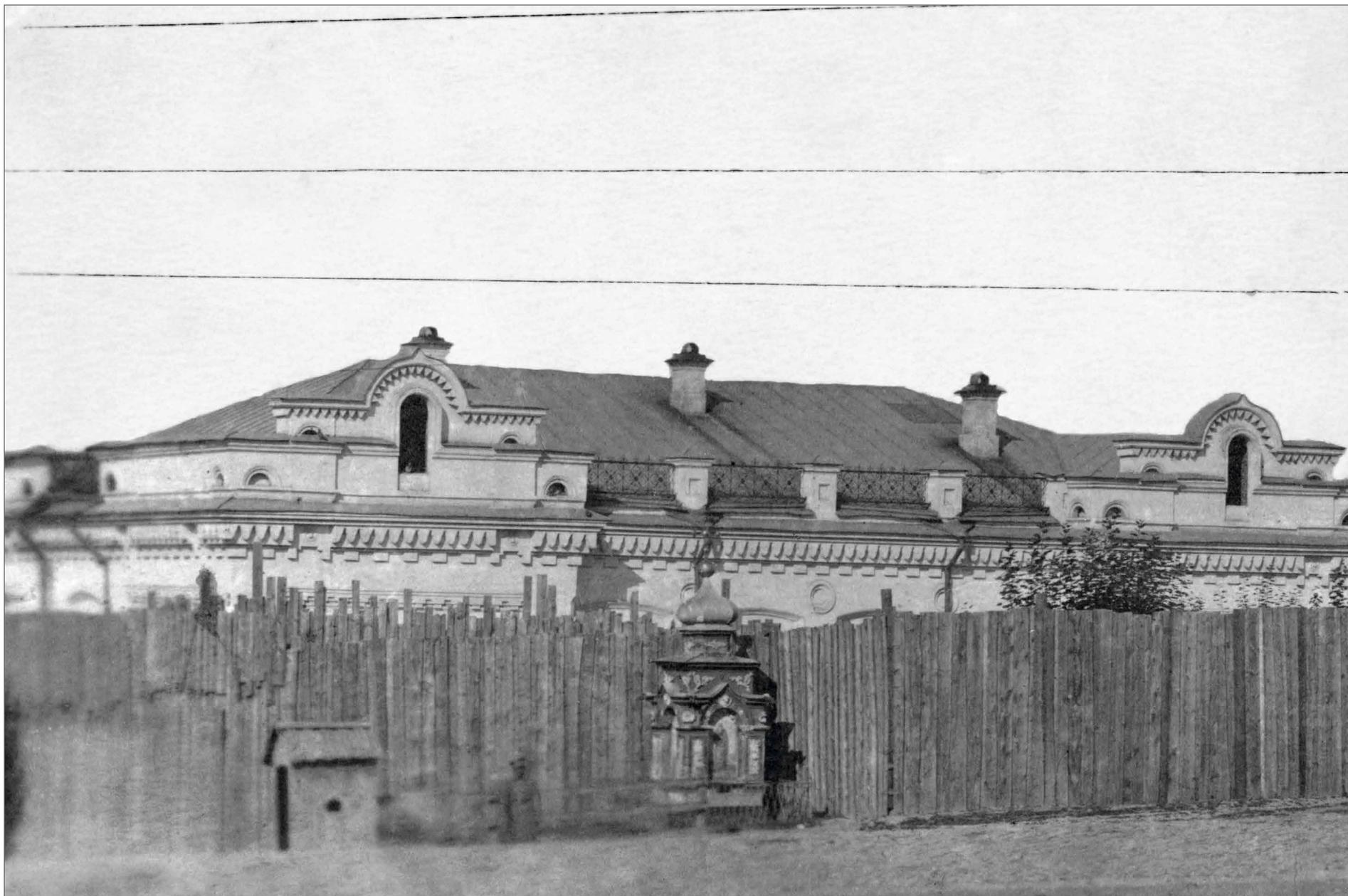

Chairman of the Ural Oblast Soviet Alexander Beloborodov, the future People's Commissar for Internal Affairs (NKVD) in 1923–1927, wrote in his journal from 1918, "V. Andronikov, who has just returned from Sovnarkhoz (regional economic councils) convention in Moscow, conveyed Yakov Sverdlov's words, "If Ekaterinburg is to be surrendered, then Romanov is to be executed and local bourgeois slaughtered."

Председатель Уралоблсовета Александр Белобородов, будущий нарком НКВД РСФСР в 1923–1927 годах, записал в дневнике 1918 года: "В. Андроников, вернувшийся из Москвы со съезда Совнархозов, передал слова Я. Свердлова: "Если Екатеринбург придётся сдавать — Романова расстрелять, екатеринбургскую буржуазию вырезать".

Член Президиума Уралоблсовета Николай Толмачёв (1895–1919), один из тех, кто решил судьбу Николая II и его семьи. 1918 год. ГАСО

Member of the the Ural Oblast Soviet presidium Nikolay Tolmachev (1895–1919), one of the people who had sealed the fate of Nicholas II and his family. 1918. GASO

Дом инженера Н. Ипатьева, где находились в заключении и были убиты последний российский император Николай II и его семья. 1918 год. МИЕ
Engineer N. Ipatiev's house, where the last Russian Emperor Nicholas II and his family were kept prisoners and later executed. 1918. MIE

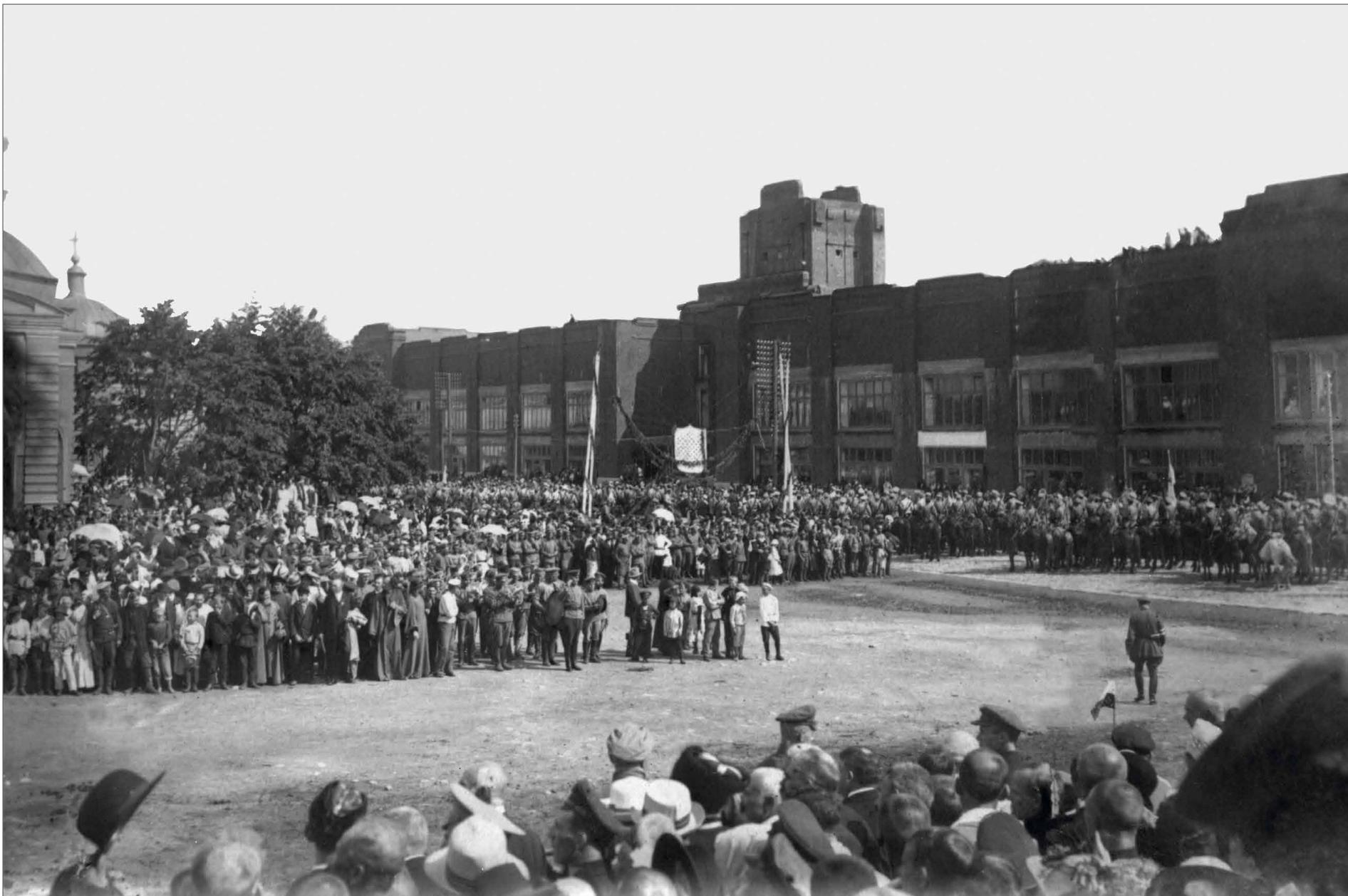
“Izvestiya Ekaterinburgskoy Tserkvi” on celebrating the liberation of Ekaterinburg from the Bolsheviks: “On August 4, 1918 the grateful population of Ekaterinburg honored their liberators — the Czech Legion, Cossacks, and other regiments. A celebratory liturgy was served in the Cathedral. Across from the Cathedral entrance, social activists started gathering around the tribune built specially for the occasion. Banners of white with red, white with blue, and white with green, all with salutations and “Long live the Constituent Assembly” written on them, were flying over the large crowd.”

“Известия Екатеринбургской церкви” о празднике в честь освобождения Екатеринбурга от большевиков: “4 августа 1918 года благодарное население Екатеринбурга чествовало своих освободителей — чехословаков, казаков и прочие воинские части. В Кафедральном соборе было совершено торжественное богослужение. Напротив входа в собор у специально воздвигнутой трибуны начали собираться общественные деятели. Знамена бело-красные, бело-голубые, бело-зелёные с приветственными надписями и лозунгом “Да здравствует Учредительное Собрание!” зареяли над многочисленной толпой”.

Молебен в честь освобождения Екатеринбурга от большевиков. 4 августа 1918 года. МИЕ
Public prayer in honor of liberation of Ekaterinburg from the Bolsheviks. August 4, 1918. MIE

Комендатура Екатеринбургa (сидят: третий слева — полковник Н. Сабельников, четвёртый — полковник принц А. Риза-Кули-Мирза). 22 августа 1918 года. *МИЕ*
Ekaterinburg commandant's office (seated, third from the left — colonel N. Sabelnikov, fourth — colonel prince A. Riza-Kuli-Mirza). August 22, 1918. *MIЕ*

Праздник в честь освобождения Екатеринбурга от большевиков. На дальнем плане недостроенное здание Гостиного двора. 4 августа 1918 года. МИЕ
Celebrating the liberation of Ekaterinburg from the Bolsheviks. Unfinished Merchant court building is in the background. August 4, 1918. MIE

The administrator of Ekaterinburg branch of Volga-Kama commercial bank Vladimir Anichkov recalled: “It was me who had been chosen to preside at the grand celebration in honor of the Czech army. The celebration went very well. It had begun, naturally, with a ceremonial prayer, and then the troops paraded across Sobornaya Square. But, Lord, how few were those! Their total number did not exceed five hundred men. Two days prior to the celebration the Reds had waged an attack on Ekaterinburg. At times, especially at night, shell fire could be heard.”

Управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского коммерческого банка Владимир Аничков вспоминал: “Председателем грандиозного праздника чествования чешских войск был выбран я. Праздник прошёл на славу. Началось всё, конечно, торжественным молебствием, затем прошёл парад войск на Соборной площади. Но, Боже мой, как мало было войск! Общее число их не превышало пятисот человек. За два дня до праздника красные повели наступление на Екатеринбург. Временами, особенно ночью, слышалась артиллерийская стрельба”.

Начальник гарнизона Екатеринбурга и командир 7-й Уральской дивизии горных стрелков генерал-лейтенант Владимир Голицын (1878–1919). 1919 год. *Частный архив*

Head of Ekaterinburg garrison and commander of the 7th Ural mountain riflemen division, lieutenant general Vladimir Golitsyn (1878–1919). 1919. *Private archive*

Генерал Радола Гайда (1892–1948) обходит строй почётного караула перед встречей Верховного Правителя России А. Колчака. Екатеринбург. 15 апреля 1919 года. ГАСО
General Radola Gajda (1892–1948) inspects the guard of honor formation before the arrival of the Supreme Ruler of Russia admiral A. Kolchak. Ekaterinburg. April 15, 1919. GASO

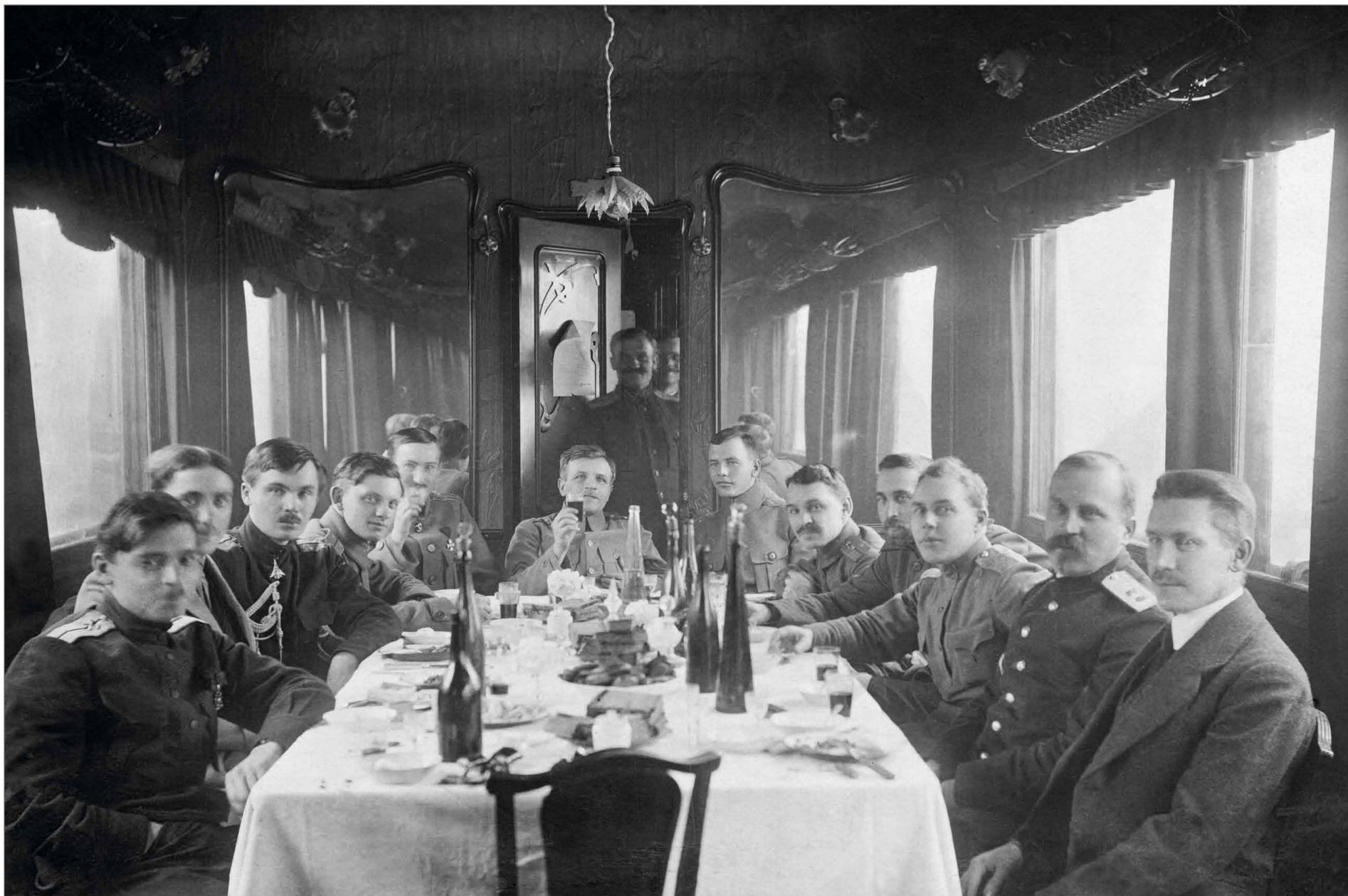
Штаб Сибирской армии (сидят: слева направо — командующий Сибирской армией Р. Гайда, Верховный Правитель России адмирал А. Колчак). 17 февраля 1919 года. *МИЕ*
Siberian Army headquarters (seated, left to right — Commander of the Siberian Army R. Gajda, Supreme Ruler of Russia admiral A. Kolchak). February 17, 1919. *MIЕ*

Офицеры Сибирской армии. 1918 год. Частный архив
Siberian Army officers. 1918. *Private archive*

From the memoirs of Kolchak's government Minister of War, baron Alexey Budberg: "One could hardly expect commander's talents and understanding of military science in general from Gajda and his 28–30-year-old generals who had only seen actual war as platoon commanders. Operations of the entire armies are in the hands of infants, very daring and resolute ones, but thinking only of their own people and their own fantasies."

Воспоминания военного министра правительства Колчака барона Алексея Будберга: "Трудно было ожидать полководческих талантов и понимания широкого военного дела от Гайды и подчинённых ему 28–30-летних генералов, видевших настоящую войну в роли взводных командиров. Руководство операций целых армий находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но думающих только о своём приходе и о своих фантазиях".

Командующий Северной группой Сибирской армии генерал-лейтенант Анатолий Пепеляев (1891–1938) (в центре). 1919 год. МИЕ
Commander of the northern company of the Siberian Army, lieutenant general Anatoly Pepelyayev (1891–1938), center. 1919. MIE

Генерал Радола Гайда (1892–1948) на параде ударных частей Сибирской армии. Кафедральная площадь. 8 марта 1919 года. МИЕ
General Radola Gajda (1892–1948) at the Siberian Army shock troops parade. Kafedralnaya Square. March 8, 1919. MIE

Рядовые кавалерийской части белой армии. Весна 1919 года. ГАСО
Privates of the White Army cavalry. Spring of 1919. GASO

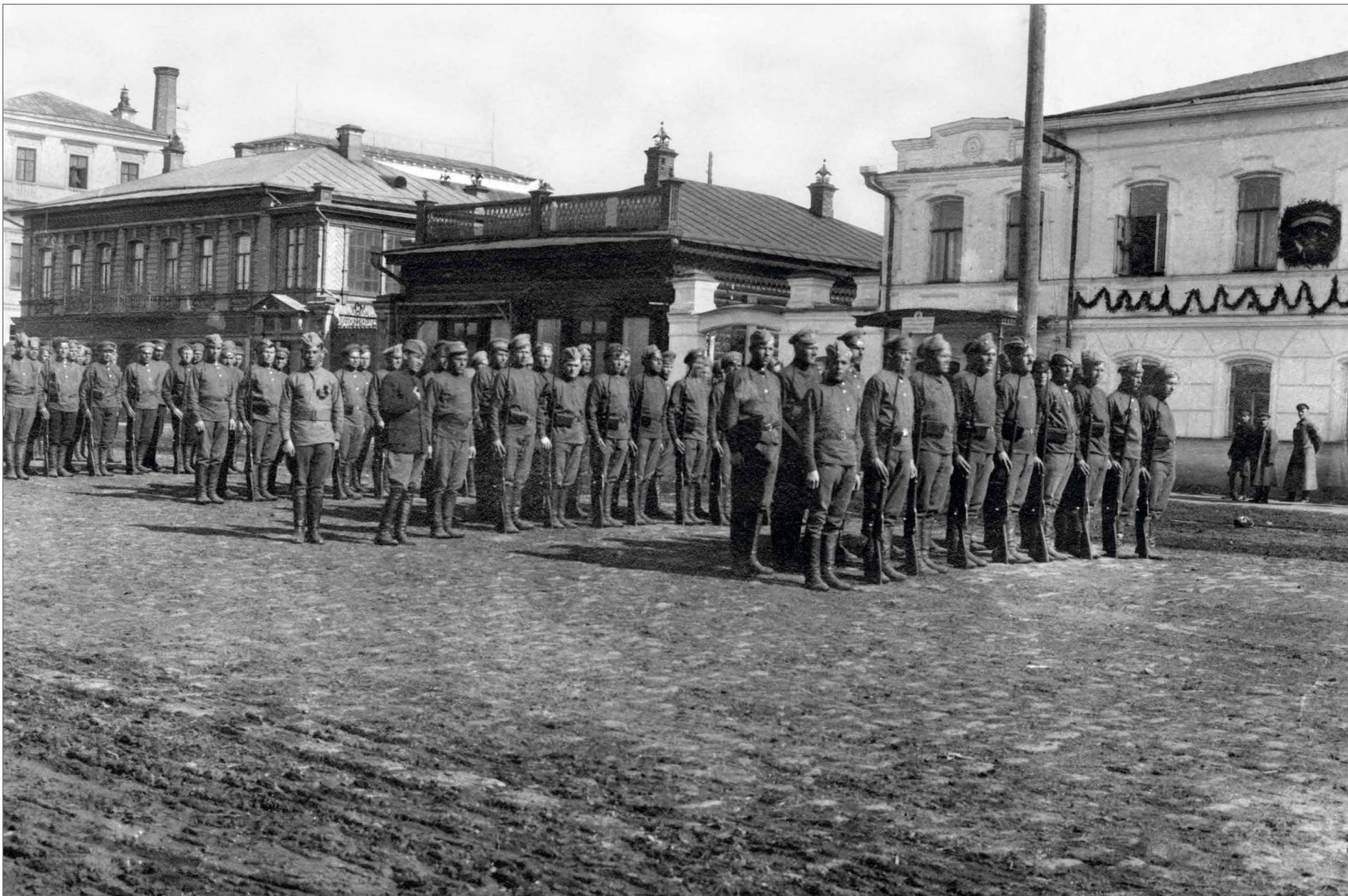
Артиллерия 253-го стрелкового полка "Красных орлов". 1919 год. *МИЕ*
Artillery of the 253rd "Red eagles" rifle regiment. 1919. *MIЕ*

From the memoirs of Ekaterinburg Kadets (Constitutional Democrats) leader, Lev Kroll: “In the middle of July the soviet troops took Ekaterinburg. All the bourgeois and intelligentsia, without exception, had left Ekaterinburg, as well as Perm. During the evacuation no one hesitated with the crowd, their horses immediately taken away. So that mass of people kept moving with both fear of the incoming army and curses towards the authorities that hadn’t warned anyone, hadn’t taken care of anything or anyone.”

Воспоминания лидера екатеринбургских кадетов Льва Кроля: “В середине июля 1919 года советские войска заняли город. Из Екатеринбургa, как и из Перми, эвакуировалась вся буржуазия и вся интеллигенция без исключения. С публикой при эвакуации не стеснялись, тут же отбирали лошадей у эвакуировавшихся. И масса двигалась с ужасом перед наступающими и с проклятием по адресу власти, никого не предупредившей, ни о ком и ни о чём не позаботившейся”.

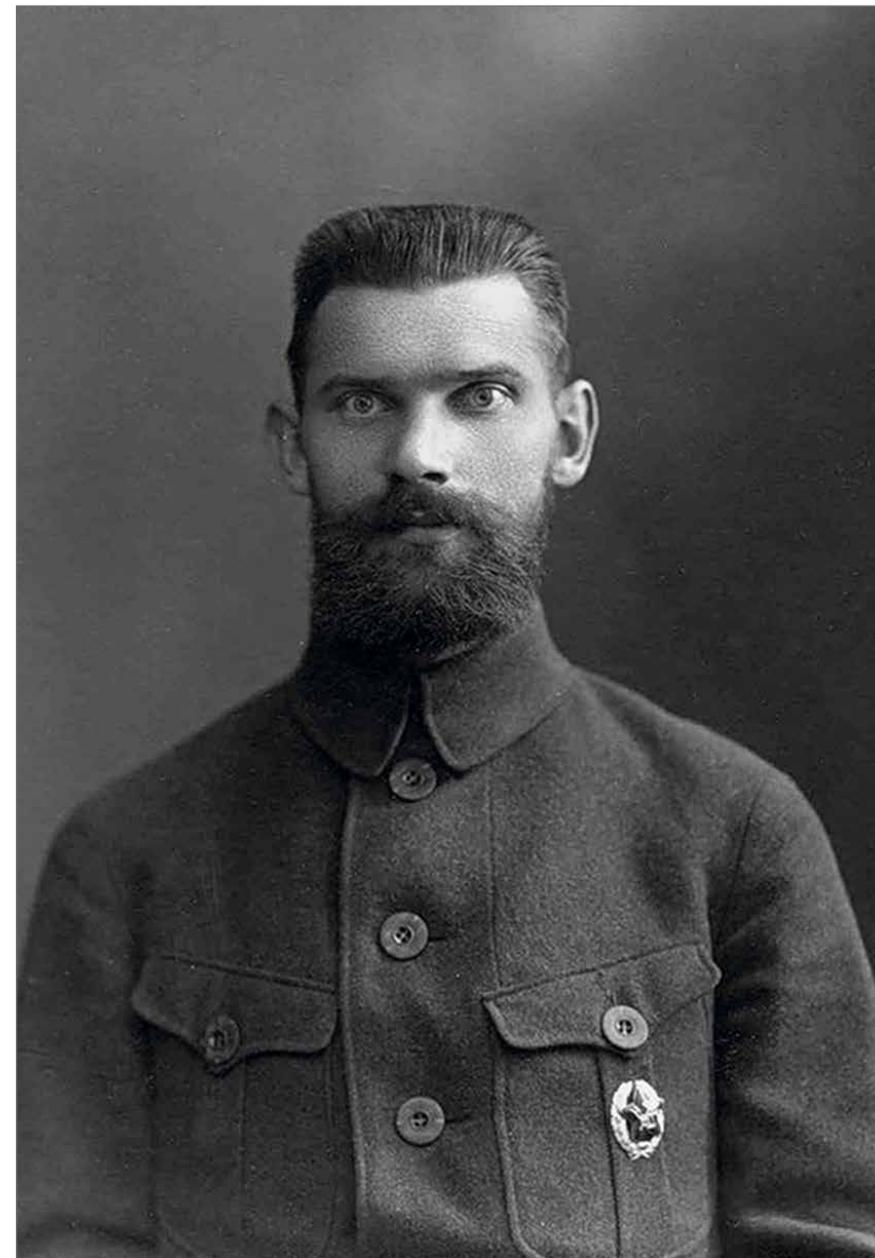
Красноармейцы. 1918 год. ГАСО
Red Army soldiers. 1918. GASO

Парад Красной Армии. Вознесенский проспект. Июль 1919 года. МИЕ
Red Army parade. Voznesensky Avenue. July 1919. MIE

From the memoirs of the writer Leonid Sayansky: “By July 1919, the Third Red Army rolled up the Ural ridge as a heavy billow. We entered Ekaterinburg on a summer night. The city had shrunk, hidden its face, and was now warily looking out through the cracks. The smell of burning was still flowing in the air — houses and warehouses still on fire in the outskirts — the copper of the church bells was still vibrating, going quiet after the fierce alarm; the heavy breathing horses were still roaming the remote streets, carrying scouts with their carbines ready.”

Воспоминания писателя Леонида Саянского: “Третья Красная Армия тяжёлой лавиной вкатилась на гребень Урала к июлю девятнадцатого года. Летним вечером мы вступали в Екатеринбург. Город сжался, во-брал голову в плечи и притих, выжидающе глядя из щёлок. Ещё запах гари плыл в воздухе, — догорали дома и пакгаузы на окраинах, — ещё колокольная медь дрожала, стихая после яростного набата; ещё проносились по дальним улочкам храпящие кони, неся на себе разведчиков с карабинами наготове”.

Командующий 3-й армией РККА Рейнгольд Берзин (1888–1938). 1918 год. ЦДООСО
Commander of the Red Army's 3rd army Reinholds Berzins (1888–1938). 1918. CDOOSO

Субботник по восстановлению Верх-Исетского завода. 1920 год. МИЕ

Community service day to rebuild Verkh-Isetsy plant. 1920. MIE

Крестьяне Екатеринбургского уезда сдают хлеб по продразвёрстке. Декабрь 1920 года. Фото УралРОСТА. ГАСО
Peasants of Ekaterinburg uyezd deliver bread under food confiscation decree. December 1920. Photo by UralROSTA. GASO

Женщины готовят гимнастёрки для Красной Армии. Январь 1920 года. Фото УралРОСТА. ГАСО
Women prepare tunics for the Red Army. January 1920. Photo by UralROSTA. GASO

Пуск железной дороги Екатеринбург—Казань. 1 июля 1920 года. Фото УралРОСТА. ГАСО
Launch of Ekaterinburg—Kazan railway. July 1, 1920. Photo by UralROSTA. GASO

Перекрёсток улиц Ленина и Пушкина. 1926 год. ГАСО
Lenina Street — Pushkina Street intersection. 1926. GASO

Оправившись от потрясений Революции и Гражданской войны, в начале 1920-х годов Екатеринбург постепенно возвращал себе роль регионального центра: здесь разместились Уральское бюро ЦК РКП(б), отделения центральных банков, товарная биржа. Новая экономическая политика (НЭП) дала свободу частному предпринимателю, что привело к возвращению населения в города и росту промышленного производства.

В ноябре 1923 года была образована Уральская область, включавшая территории современных Свердловской, Пермской, Тюменской, Курганской и Челябинской областей, а Екатеринбург стал её столицей. Благодаря повышению статуса города местным властям удалось сдвинуть с мёртвой точки решение проблем коммунального хозяйства и общественного транспорта.

В 1924 году город получил новое имя — Свердловск. “Город живёт новой жизнью, — писал “Уральский рабочий”, — все улицы его носят имена от этой новой жизни, а сам он будет носить старое, ничем не оправданное имя — не годится! Обмен мнениями выдвинул такие предложения: Реваншбург, Красноуральск, Красный Урал. Как же должен называться

наш город? Свердловск — вот самое подходящее имя для Екатеринбурга, самое революционное имя, которое с гордостью может носить центр Красного Урала”.

С 1 июня 1924 года в Свердловске открылось регулярное автобусное сообщение. Первые автобусы представляли собой окрашенные в жёлто-коричневый цвет деревянные фургоны, переделанные из бронемашин гражданской войны, но спустя год (с 1 мая 1925 года) на улицах появились новенькие “Форды” на 12 посадочных мест.

В декабре 1925 года жители Верх-Исетского посёлка первыми смогли оценить прелесть водопровода, через год было завершено строительство водопроводной сети в центре. В 1927 году на Конном полуострове вступила в строй новая электростанция, специалисты приступили к проектированию трамвайных линий. Пуск трамвая был приурочен к 12-й годовщине Октября в 1929 году.

Внешне Свердловск по-прежнему оставался городом XIX века. Он не сильно изменился в сравнении с Екатеринбургом, только улицы наполнила советская символика.

In the early 1920s, having recovered from the shocks of the Revolution and Civil War, Ekaterinburg was gradually regaining its role of a regional center: the Ural Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), branches of central banks and commodities exchange were located here. New Economic Policy (NEP) gave private entrepreneurs some space, which led to population returning to cities and industrial production growing.

In November 1923, Ural Oblast was formed, incorporating territories of the contemporary Sverdlovsk, Perm, Tyumen, Kurgan, and Chelyabinsk oblasts, with a capital in Ekaterinburg. Thanks to the city's new status local authorities managed to finally make progress in solving problems of the utilities infrastructure and public transport.

In 1924 the city received a new name — Sverdlovsk. “The city now lives a new life”, — “Uralskiy Rabochiy” wrote, — “all of its streets bear names of this new life, while the city itself still bears an old one that does not match up — no good! The exchange of opinions brought up some proposals: Revancheburg, Krasnouralsk, Red Ural. What shall our city be called? Sverdlovsk — that is the most appropriate name for Ekaterinburg, the most revolutionary one, the one the center of the Red Urals could bear with pride”.

On June 1, 1924 a regular bus service was launched in Sverdlovsk. The first buses were actually wooden wagons converted from armored cars of the Civil War era and painted yellowish brown, but one year later (on May 1, 1925) new 12-seat “Fords” appeared in the streets.

In December 1925 the residents of Verkh-Issetkiy settlement were the first to appreciate the convenience of central water supply, and a year later the system was finished in the city center. In 1927, a new power plant was set to work on Konny Peninsula; at the same time the specialists started planning out tram lines. The launch of the city tram was timed to coincide with the 12th anniversary of the October Revolution in 1929.

Meanwhile, externally Sverdlovsk remained a city of the 19th century. It did not change much in comparison with Ekaterinburg; only the streets were now filled with the soviet symbols.

Заседание Екатеринбургского губернского ревтрибунала (в центре – Павел Быков (1888–1953)). Август 1921 года. Фото УралРОСТА. ГАСО
Session of Ekaterinburg provincial revolutionary tribunal (in the center Pavel Bykov (1888–1953)). August 1921. Photo by UralROSTA. GASO

Всеуральская ярмарка. Февраль 1928 года. Фото Л. Сурина. МИЕ
Region-wide fair. February 1928. Photo by L. Surin. GASO

Всеуральская ярмарка. Февраль 1928 года. Фото Л. Сурина. МИЕ
Region-wide fair. February 1928. Photo by L. Surin. GASO

Дом Крестьянина имени В. И. Ленина. Улица Троцкого (ныне улица 8 Марта). 1925 год. ГАСО
House of Peasant named after V. I. Lenin. Trotskogo Street (currently – 8 Marta Street). 1925. GASO

На хлебном рынке. Улица Троцкого (ныне улица 8 Марта). 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
At the bread market. Trotskogo Street (currently – 8 Marta Street). 1927. Photo by L. Surin. GASO

Дом Союзов. Улица Ленина. 1920-е годы. МИЕ
House of Unions. Lenina Street. 1920s. MIE

В сапожной мастерской. Сентябрь 1921 года. ГАСО
At the shoe-making shop. September 1921. GASO

Герои труда льнопрядильной фабрики имени В. Ленина. Апрель 1921 года. ГАСО
Heroes of Labor at the flax mill named after V. Lenin. April 1921. GASO

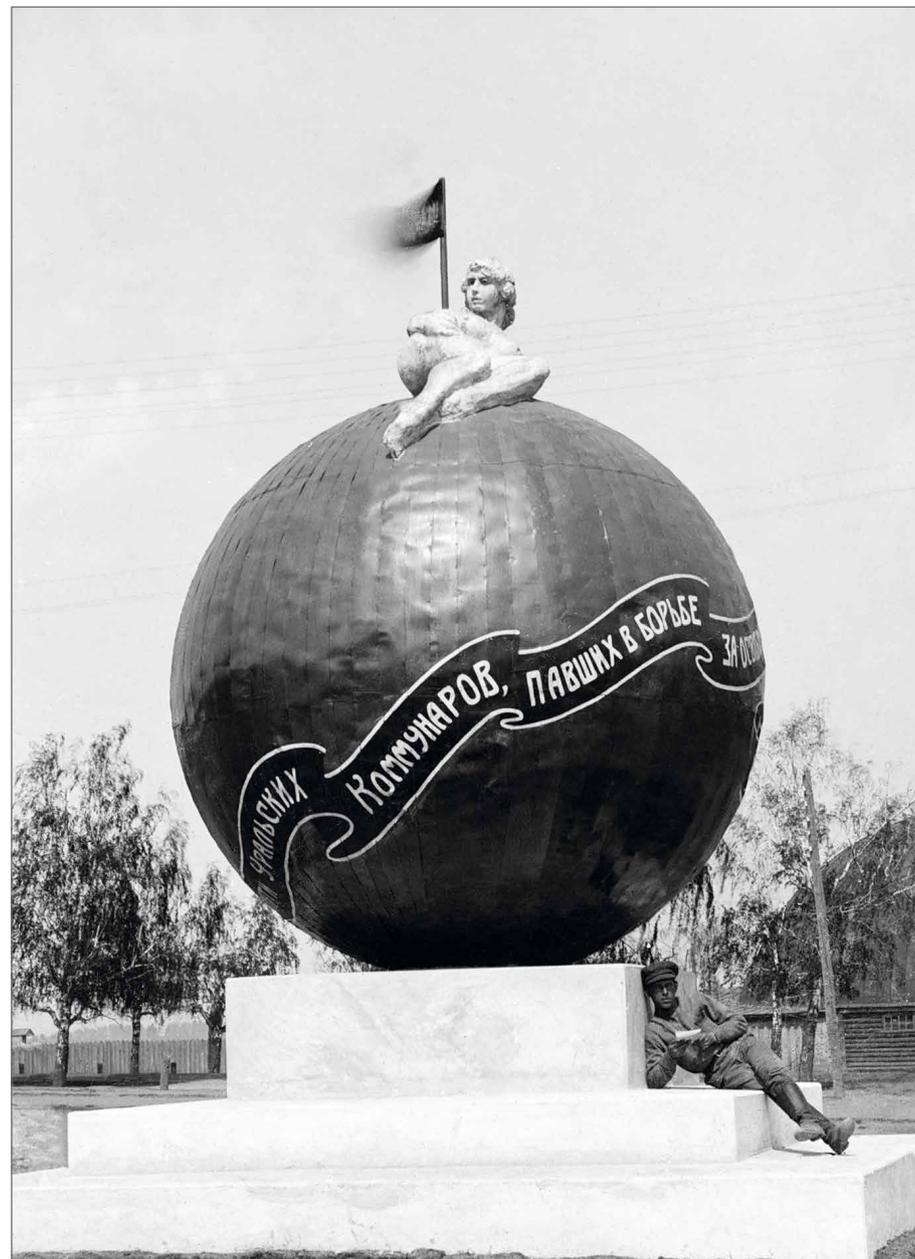
Женщина за ткацким станком на Текстильной фабрике имени В. Ленина. 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Woman at a weaving machine, Textile factory named after V. Lenin. 1927. Photo by L. Surin. GASO

Октябрины, заменившие в первые годы Советской власти крещение детей. 1923 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Civil ceremony of "Oktyabriny" replaced christening of children in the first years of the Soviet era. 1923. Photo by L. Surin. GASO

“Uralskiy Rabochiy” from October 12, 1927, on Clara Eleonore Stinnes’ round-the-world rally: “Yesterday the daughter of the German industrialist Stinnes arrived in Sverdlovsk. Having left Berlin in May, she already travelled 16,000 km. “In the USSR,” says Stinnes, “we had to go through a difficult challenge for both muscles and clarity of vision. Driving on the roads, which are at some points impassable, takes a great effort.”

Газета “Уральский рабочий” от 12 октября 1927 года о кругосветном автопробеге Клары Элеоноры Стиннес: “Вчера дочь немецкого промышленника Стиннеса прибыла в Свердловск. Выехав из Берлина в мае, она уже проехала 16 тысяч километров. “В СССР, — говорит Стиннес, — нам пришлось пройти серьёзный путь испытания мускулов и верности глаза. Нужно большое напряжение, чтобы по дорогам, которые в некоторых местах непроходимы, вести машину”.

Памятник Уральским коммунарам, павшим в борьбе за освобождение Урала от Колчака. 1920-е годы. ГАСО
Monument to Communards of the Urals, fallen in battles to liberate the Urals from Kolchak. 1920s. GASO

Свердловчанка. 1920-е годы. МИЕ
A resident of Sverdlovsk. 1920s. MIE

From the memoirs of the distinguished opera singer Ivan Kozlovsky: “When I first arrived in Sverdlovsk in 1924, the city made a strange impression on me. The theater posters on nearby stands were being with exceptional appetite eaten by goats. Of course I recall what was known and dear to me. There was the famous “Palais Royal” hotel. Its amenities mostly called for humor. Behind the theater there was a wasteland, even further — some one-storey houses, and within each of the houses — that magnetic sparkle, the diversity of people. It reminds me of the old Ekaterinburg with its quiet, highly intelligent families who would purchase season tickets to the opera theater. The same people also organized meetings at the business club and private homes.”

Воспоминания выдающегося оперного певца Ивана Козловского: “Когда я впервые в 1924 году приехал в Свердловск, город произвёл на меня странное впечатление. На стендах театра висели афиши, которые с необычайным аппетитом поедали козы. Конечно, я вспоминаю то, что мне дорого, близко. Была знаменитая гостиница “Пале-Рояль”. Её удобства скорее вызывали юмор. За театром был пустырь, в отдалении — одноэтажные домики, но в каждом домике — притягательный огонёк — разность людей. Вспоминается старый Екатеринбург с его тихими высокоинтеллигентными семьями, которые приобретали абонемент в оперный театр. Они же и организовывали встречи в деловом клубе и в частных домах”.

Улица Сакко и Ванцетти. 1930-е годы. Фото БТИ. МИЕ
Sacco & Vanzetti Street. 1930s. Photo by BТИ. МИЕ

Агитационно-просветительское собрание для женщин. 1928 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Educational propaganda meeting for women. 1928. Photo by L. Surin. GASO

В цехе Свердловского хлебозавода. 1929 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
At the shop of the Sverdlovsk bread factory. 1929. Photo by L. Surin. GASO

В хлебном магазине. 1930 год. Частный архив
At the bakery. 1930. Private archive

Перекрёсток улиц Ленина и Карла Либкнехта. Начало 1930-х годов. Фото БТИ. МИЕ
Lenina Street – Karla Liebknechta Street intersection. Early 1930s. Photo by BТИ. МИЕ

Перекрёсток улиц Мальшева и Розы Люксембург. Начало 1930-х годов. МИЕ
Malysheva Street – Rosy Luxemburg Street intersection. Early 1930s. MIE

Кинотеатр “Колизей”. Перекрёсток улиц Ленина и Карла Либкнехта. 1920-е годы. МИЭ
“Coliseum” cinema. Lenina Street – Karla Liebknechta Street intersection. 1920s. MIE

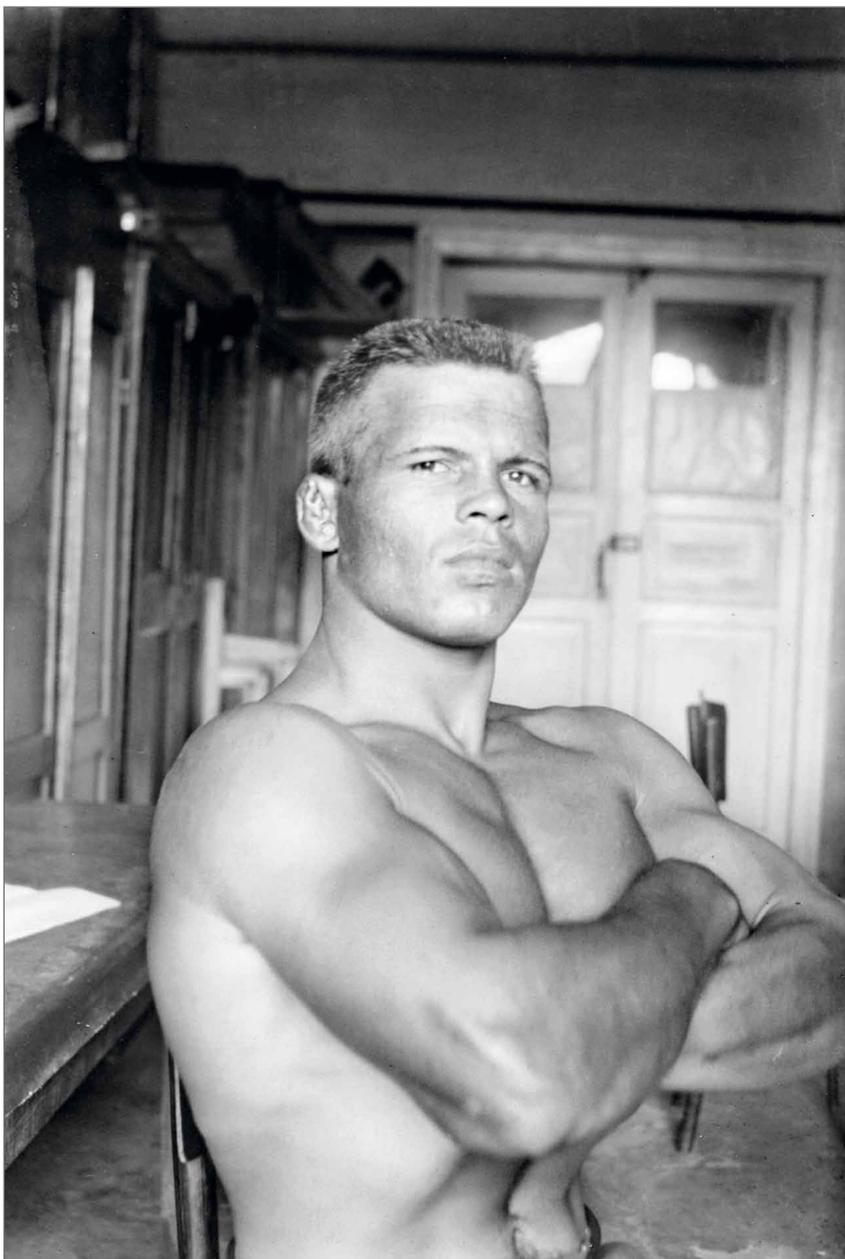
Улица Ленина и Площадь 1905 года. 1930 год. МИЕ
Lenina Street and Square of 1905. 1930. MIE

From the memoirs of the painter Valentin Kurdov: “A landmark of the city was the carved from a huge block of marble statue of a naked man, put in the very center, on the market square. Its author is a well-known sculptor, Stepan Erzia, who lived in the Urals at the time.” Gawkers stopped by the monument, some were shy to look, and women closed their faces ashamed of the male nakedness. It was painful to see how far apart were the visions of the people and the sculptor, who worked for the people and who himself was of a common origin.”

Воспоминания художника Валентина Курдова: “Достопримечательностью города был поставленный в центре на торговой площади обнажённый мужчина, вырубленный из огромного мраморного блока-монолита. Его автор — известный скульптор Степан Эрзя, живший в то время на Урале. Около монумента останавливались зеваки, другие стеснялись смотреть, а женщины закрывали лицо руками, стыдясь мужской срамоты. Горько было видеть, как далеко разошлись понятия скульптора и народа, для которого он творил, будучи сам выходцем из глубины народной”.

Памятник “Освобождённому труду”, скульптор Степан Эрзя, на постаменте от памятника Александру II Освободителю. 1920–1926 годы. МИЭ
Monument to the “Emancipated Labor” by Stepan Erzia, placed on the pedestal of the monument to Emperor Alexander II the Liberator. 1920–1926. MIE

Борец, атлет и артист цирка Ян Цыган. 1934 год. ГАСО

Wrestler, athlete, and circus artist Yan Tsygan ("the Gipsy"). 1934. GASO

Ivan Kusenko, known to the residents of Sverdlovsk under his stage name Yan Tsygan (the Gipsy), died in 1959 in Kharkov in a car crash. N. Alexandrov in "Sovetskiy Tsirk" magazine recalled, "Yan Tsygan was not only a first-rate wrestler, but also a wonderful performer. He would only just appear from behind the curtain during the wrestlers parade, and the audience came alive. And he never disappointed the audience's expectations. He was flexible as a spring and fast as a cat, exceptionally resourceful for interesting techniques; he had excellent skills and a true athletic manner of wrestling."

Иван Кусенко, которого свердловчане знали под сценическим именем Ян Цыган, погиб в 1959 году в Харькове в автомобильной катастрофе. Н. Александров в журнале "Советский цирк" вспоминал: "Ян Цыган был не только первоклассным борцом, но и замечательным артистом. Лишь только он появлялся в параде борцов из-за циркового занавеса, как зрительный зал оживлялся. И он никогда не обманывал ожиданий публики. Он был гибок как пружина и быстр как кошка, необыкновенно изобретателен на интересные приёмы, обладал великолепной техникой и спортивной манерой вести борьбу".

Призывной пункт Красной Армии. 1926 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Red Army recruiting station. 1926. Photo by L. Surin. GASO

Since 1924, Alexander Sedyakin was in command of the troops in Volga Military District, which included Ural Oblast. Deputy chief of the district headquarters Stepan Kalinin recalled, “I had a deep respect for the commander as an honest, straightforward, truthful, and very kind man — outside of work. But when it came to the service, Sedyakin was a very different person — captious in the smallest details, overly strict, chary of words, unsociable; as if he was afraid his natural kindness could be taken advantage of by subordinates to harm the common cause.” Later on, Sedyakin held various high command posts in the army, since 1936 he served as the chief of Air Defense Administration of the Red Army. Subjected to repressions in 1938.

Александр Седякин с 1924 года командовал войсками Приволжского военного округа, куда входила и Уральская область. Заместитель начальника штаба округа Степан Калинин вспоминал: “Я глубоко уважал своего командующего как человека честного, прямого, правдивого, очень доброго вне службы. Однако когда дело касалось службы, Седякин становился совсем иным — придирчивым до мелочей, сверх меры строгим, скупым на слова, малообщительным, словно он опасался, что его природная доброта может быть использована подчинёнными во вред делу”. Впоследствии Седякин занимал высшие командные должности в армии, с 1936 года — начальник Управления противовоздушной обороны РККА. Репрессирован в 1938 году.

Командующий войсками ПриурВО Александр Седякин (1893–1938). 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Commander of the Western Urals Military District Alexander Sedyakin (1893–1938). 1927. Photo by L. Surin. GASO

Демонстрация свердловских пионеров на улице Ленина. 1928 год. МИЕ
Young Pioneers demonstration in Sverdlovsk on Lenina Street. 1928. MIE

Воинская присяга. 1 мая 1927 года. Фото Л. Сурина. ГАСО
Military oath. May 1, 1927. Photo by L. Surin. GASO

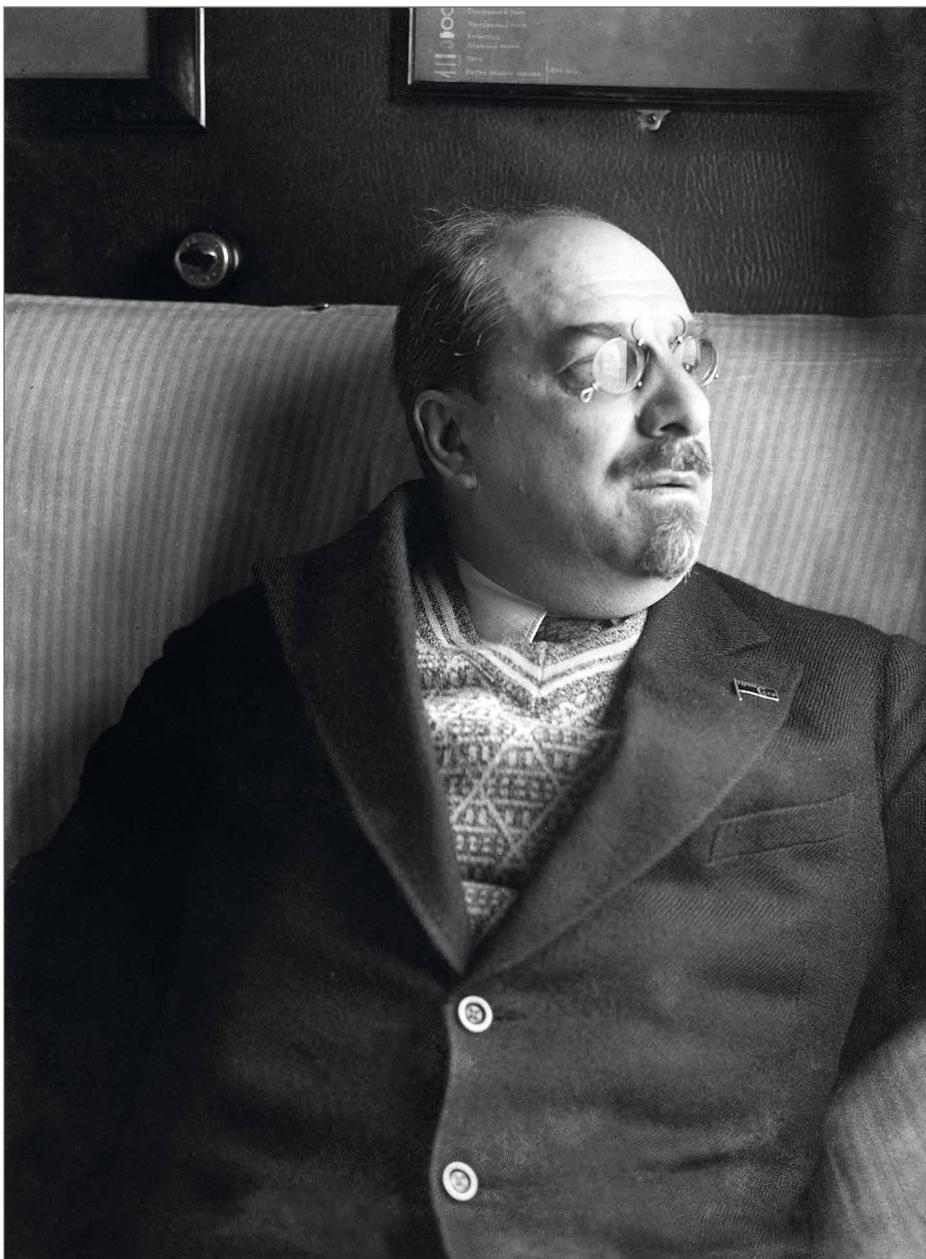
Выдача оружия красноармейцам. 1931 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Weapons distributed to the Red Army soldiers. 1931. Photo by L. Surin. GASO

Посол Японии в СССР Т. Танака на вокзале в Свердловске (справа — председатель Уралоблисполкома Даниил Сулимов (1891–1937)). 1925 год. ГАСО
Japan Ambassador to the USSR T. Tanaka at the railway station in Sverdlovsk (on the right, chair of Ural Oblispolkom (Executive Committee) Daniil Sulimov (1891–1937)). 1925. GASO

From the People's Commissar for Education Anatoly Lunacharsky's address at the 2nd Ural Oblast convention on public education in January 1928: "Our fundamental task is to introduce total education; absolutely all of our projects, our accomplishments on the cultural front are left hanging in the air while 30–40 per cent of the children remain out of school."

Из выступления наркома просвещения РСФСР Анатолия Луначарского на II Уральском областном съезде по народному образованию в январе 1928 года: "Фундаментальной нашей задачей остаётся введение всеобщего обучения; и решительно все наши построения, все наши достижения на культурном фронте остаются висящими в воздухе, пока 30–40 процентов детей остаются вне школы".

Нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский (1875–1933) в Свердловске. 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
People's Commissar for Education Anatoly Lunacharsky (1875–1933) in Sverdlovsk. 1927. Photo by L. Surin. GASO

Занятия на курсах для малограмотных. 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Literacy courses. 1927. Photo by L. Surin. GASO

Свердловский областной музей Революции. Вторая половина 1930-х годов. *МИЕ*
Sverdlovsk regional museum of the Revolution. Second half of the 1930s. *MIЕ*

Экскурсия иностранных рабочих в Уральском музее Революции. Комната, где были убиты Николай II и его семья. 1930-е годы. ЦДООСО
Foreign workers tour the Ural museum of the Revolution. The room where Nicholas II and his family were executed. 1930s. CDOOSO

Свердловчане наблюдают за солнечным затмением. 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО

Residents of Sverdlovsk watch the solar eclipse. 1927. Photo by L. Surin. GASO

Кинотеатр МЮД (Международный юношеский день). Улица Толмачёва. 1928 год. МИЕ
Cinema named after International Youth Day. Tolmacheva Street. 1928. MIE

Детский дом имени Красной Армии. Сибирский проспект. 1920-е годы. ГАСО
Orphanage named after the Red Army. Sibirsky Avenue. 1920s. GASO

People's Commissar for Education Anatoly Lunacharsky shared his impressions of the city on the pages of "Uralskiy Rabochiy" in July 1923: "Orphanages in Ekaterinburg occupy not bad-looking mansions. The children look cheerful, the work is done properly, but there is a shortage of bed linens, and especially shoes. I did everything in my power to bring the attention of the local authorities to this need."

Нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский делился своими впечатлениями о городе на страницах "Уральского рабочего" в июле 1923 года: "Детские дома в Екатеринбурге занимают недурные особнячки. Дети выглядят весело, работают с ними неплохо, но они очень скудно обставлены постельным бельём, а главное обувью. Я делал всё от меня зависящее, чтобы обратить внимание местной власти на эту нужду".

Пионеры помогают крестьянскому мальчику изучать грамоту. 1920-е годы. Фото Л. Сурина. МИЕ
Young Pioneers teach a peasant boy reading and writing. 1920s. Photo by L. Surin. MIE

Свердловские художники. 1928 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Sverdlovsk artists. 1928. Photo by L. Surin. GASO

Художник Иван Слюсарев (1886–1962) на пленэре. Улица Декабристов, “Царский мост”. Конец 1920-х годов. *Частный архив*
Painter Ivan Slyusarev (1886–1962) working en plein air. Dekabristov Street, Tsarsky (Royal) bridge. Late 1920s. *Private archive*

Улица Энгельса. Начало 1930-х годов. Фото БТИ. МИЕ
Engelsa Street. Early 1930s. Photo by BТИ. МИЕ

Улица 8 Марта. 1930 год. МИЕ
8 Marta Street. 1930. MIE

В политике индустриализации Уралу отводилась одна из ключевых ролей. Было решено создать “второй угольно-металлургический центр СССР”, который бы объединил уголь Кузбасса и заводы Урала в единый производственный комплекс.

Для Свердловска главным событием первой пятилетки стало строительство Уральского завода тяжёлого машиностроения (Уралмаш). На стройплощадке завода ежедневно трудились 6—7 тысяч человек. Была закуплена иностранная техника, главным образом в Германии. Одновременно с заводом там, где ещё недавно был девственный лес, появился возведённый по регулярному плану соцгород. Невольно вспоминалась эпоха основания Екатеринбурга. Казалось, история, совершив круг длиной в два века, вернулась к исходной точке на новом этапе развития технологии.

Уралмаш был построен упорным и самоотверженным трудом деревенских мужиков в лаптях и покосных рубахах, топоры и лопаты были их главным орудием труда. Крестьян вербовали не только в Уральской области, но и в Поволжье, и в Центральной России. Для большинства раскулаченных стройка была шансом бежать от колхоза и начать новую жизнь. Рабочих приходилось набирать по разнарядкам с заводов Уральской области.

Строительство Уралмаша и других заводов не могло не изменить город. В Свердловске стремительно росли многоэтажные здания. Топонимика обогатилась новыми названиями: Дом промышленности, Городок чекистов, Дома Горсовета и т. п. Они возводились не отдельными постройками, а целыми кварталами, и принадлежали ведомствам. Дома старого Екатеринбурга казались карликами рядом с этими гигантами. Но жилья всё равно не хватало, и люди продолжали ютиться в дореволюционных домах или в самовольно построенных за чертой города мазанковых хибарах.

Советская идеология пронизывала все стороны общественной и частной жизни человека, церковь была для неё естественным конкурентом. С 1929 года в СССР была развёрнута кампания по изъятию церковных ценностей, закрытию приходов и разрушению церквей.

Большинство руководителей, возглавлявших индустриализацию на Урале, пострадали в период массовых репрессий 1937—1938 годов. 22 мая 1937 года в Москве арестовали первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова. По делу Кабакова подверглись репрессиям многие чиновники и партийные работники.

The Urals was assigned one of the key roles in the new industrialization policy. It was decided to create “the second coal-metallurgic center of the USSR” that would unite the Kuzbass coal and Ural plants in a single industrial complex.

For Sverdlovsk, the main event of the first five-year plan was the construction of the Ural Heavy Machine-building Plant (Uralmash). 6–7 thousand people worked at the construction site every day. Foreign equipment and machinery was purchased, mainly German-made. At the same time, next to the plant a so-called socialist town based on regular planning rose where until recently only deep forest stood. All that reminded of Ekaterinburg’s early days. It seemed as if history had made a two-century-long circle and returned to the point of origin at the new technological level.

Uralmash was being built with hard and selfless labor of peasants, who still wore bast sandals and mowing tunics, and used axes and shovels as their main tools. The peasants had been recruited not only in the Urals, but also in the Volga region and Central Russia. For the majority of the dispossessed peasants construction site was a chance to escape kolkhozes and start a new life. The workers for the plant had to be recruited by quotas at other factories and plants of the Ural region.

The construction of Uralmash and other plants could not leave the city unchanged. High-rise residential buildings were now rapidly growing in Sverdlovsk. The toponimy was enriched with new names: House of Industry, Chekists’ Neighborhood, Gorsovet Houses, etc. Designed not as separate buildings, but as development of entire blocks and districts, they belonged to various government agencies. The houses of the old Ekaterinburg looked like dwarves next to these giants. But still there wasn’t enough housing; people kept huddling in the old pre-revolutionary houses or wattle huts in squatter settlements beyond the city limits.

The Soviet ideology pervaded all aspects of public and private life. Naturally, the church was seen as a competitor to the authorities. In 1929, a country-wide campaign for requisition of church valuables, closing of parishes and demolition of churches began in the USSR.

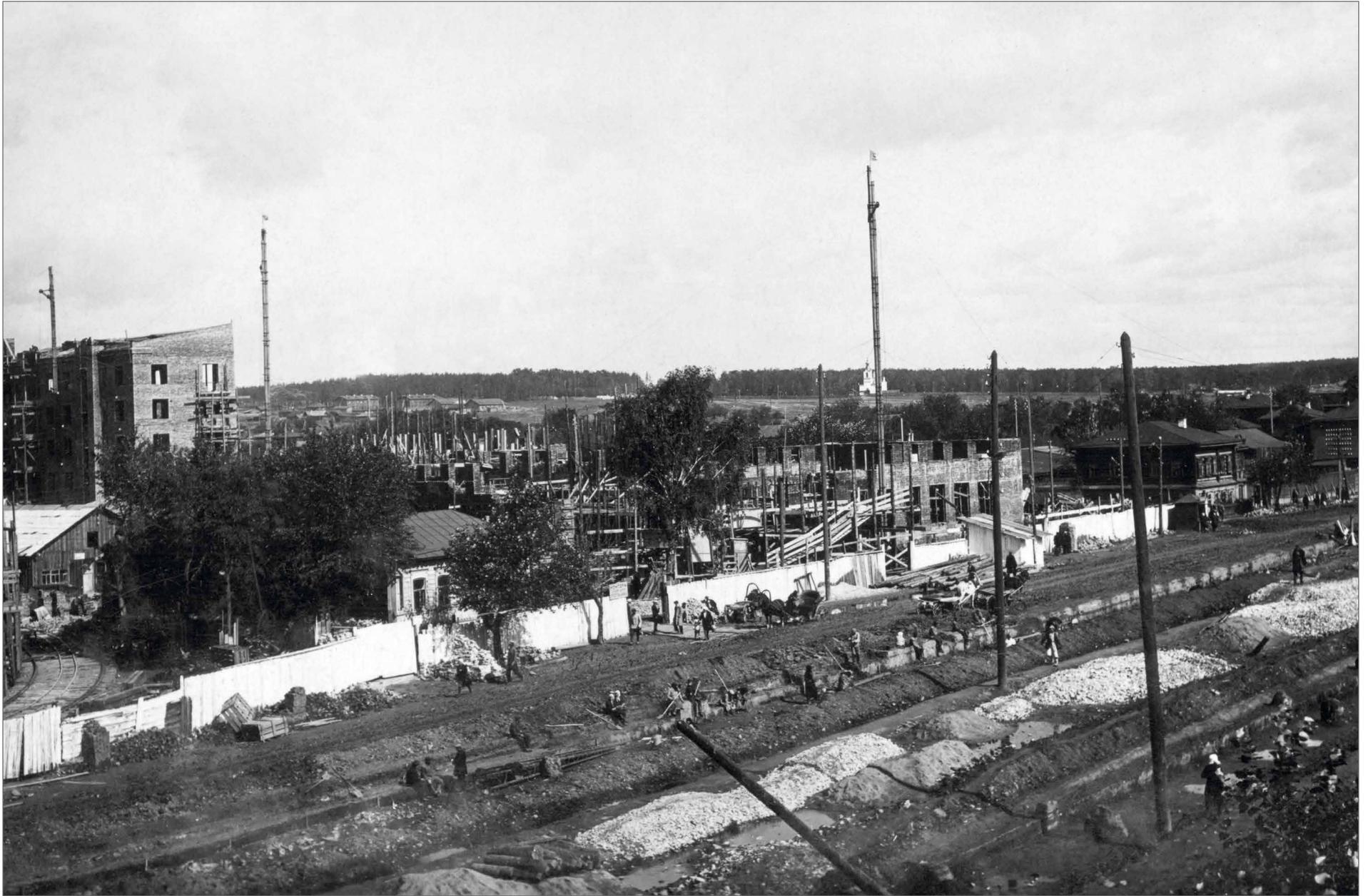
The majority of officials, who had been in charge of the industrialization in the Urals, were later persecuted during the mass repressions of 1937–1938. On May 22, 1937 the first secretary of Sverdlovsk Obkom (Oblast Committee) of the Communist Party I. D. Kabakov was arrested in Moscow. Many local government officials and party members went through persecution under Kabakov’s case.

From the memoirs of the journalist Ivan Yegarmin on Vladimir Mayakovsky: “On January 29 we left the editorial office after six. At the time central water supply system was being installed everywhere and the sidewalks were destroyed by trenches. Mayakovsky walked on the wood boards put across the top, or simply jumped over them, all the while cursing jokingly, “God knows what this is, it’s not a city, but a construction site...”

Воспоминания журналиста Ивана Егармина о Владимире Маяковском: “29 января в седьмом часу вышли из редакции. В ту пору всюду проводили водопровод, тротуары были перерыты траншеями. Маяковский проходил их по доскам или просто перепрыгивал, в шутку чертыхаясь: “Чёрт знает что такое, не город, а строительная площадка...”

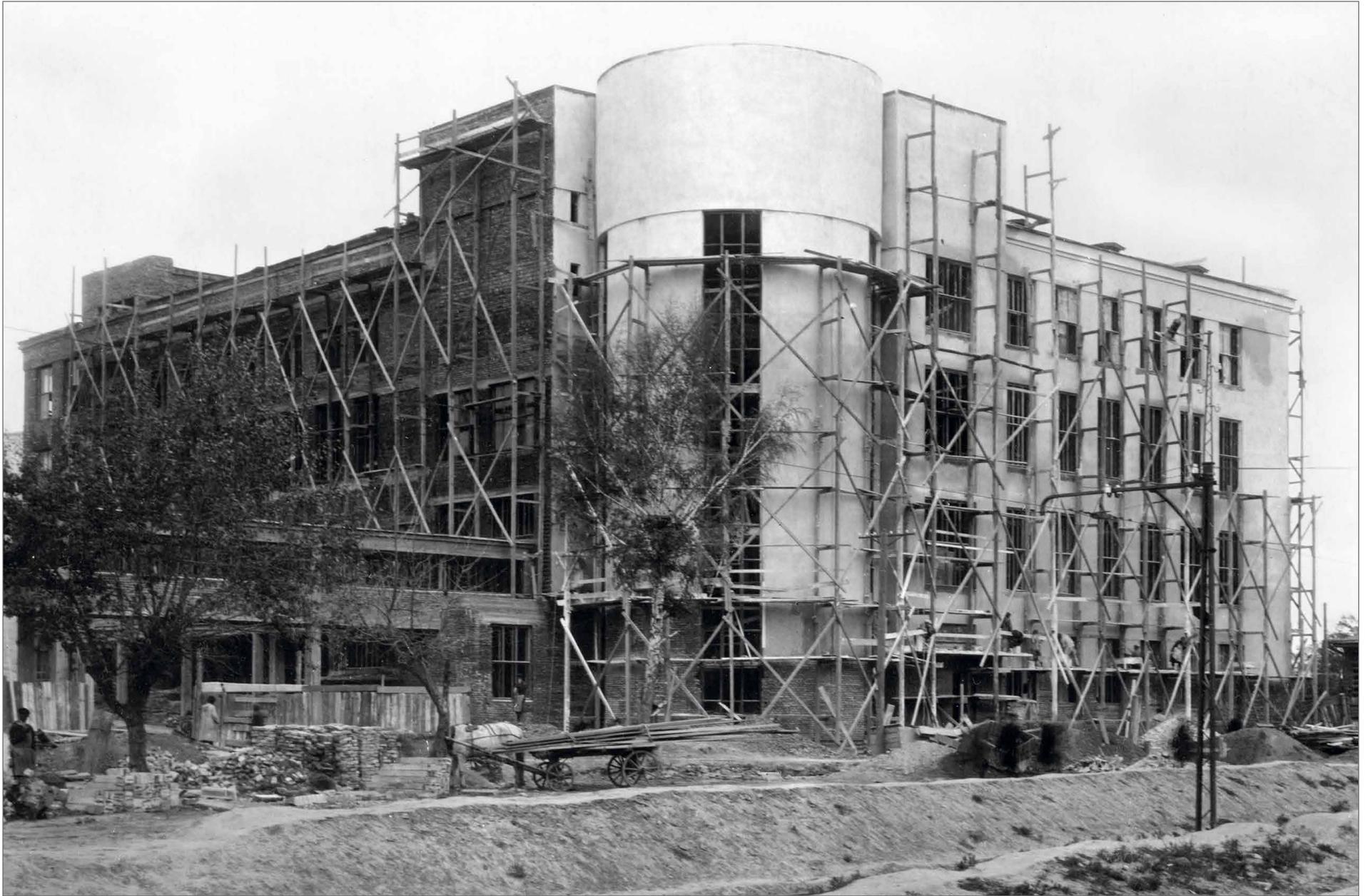
Владимир Маяковский (1893–1930) в клубе рабкоров “Уральского рабочего”. 1928 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Vladimir Mayakovsky (1893–1930) at the club for out-of-staff reporters of “Uralskiy Rabochiy”. 1928. Photo by L. Surin. GASO

Начало строительства Городка чекистов. Улица Ленина. 1931 год. Частный архив
Chekists' Neighborhood, beginning of construction. Lenina Street. 1931. Private archive

Строительство общежития для сотрудников НКВД в Городке чекистов. 1932 год. Частный архив
Construction of the dormitory for NKVD officers in Chekists' Neighborhood. 1932. Private archive

Строительство Клуба имени Ф. Дзержинского. 1932 год. *Частный архив*
Construction of the Club named after F. Dzerzhinsky. 1932. *Private archive*

Отделочные штукатурные работы на одной из строек. 1935 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Finishing plaster work at one of the construction sites. 1935. Photo by L. Surin. GASO

Дом на перекрёстке улиц Луначарского и Первомайской. Начало 1930-х годов. Фото БТИ. МИЕ
A house on Lunacharskogo Street — Pervomayskaya Street intersection. Early 1930s. Photo by BТИ. МИЕ

Благоустройство Свердловска. Улица Горького. 1930-е годы. *МИЕ*
Improving Sverdlovsk. Gorkogo Street. 1930s. *MIЕ*

Улица Ленина и памятник Я. М. Свердлову. 1930-е годы. Фото Л. Сурина. ГАСО
Lenina Street and monument to Yakov Sverdlov. 1930s. Photo by L. Surin. GASO

Первые трамваи в Свердловске. 1930 год. Фото Л. Сурина. МИЕ

First trams in Sverdlovsk. 1930. Photo by L. Surin. MIE

Дом Печати. Перекрёсток улиц Ленина и Тургенева. 1930-е годы. МИЕ
Press House. Lenina Street – Turgeneva Street intersection. 1930s. MIE

Трамвайный “заяц” пойман. 1934 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
“Free-rider” caught in a city tram. 1934. Photo by L. Surin. GASO

From the memoirs of the regional ethnographer Stephan Zakharov: “On November 9, 1929 I rode the city tram for the first time. There was a conductor in every car. He loudly announced stops and pulled the long rope to signal departure. The rope was connected to a bell in the driver’s cab; only after the conductor’s signal did the tram take off. Tram line did not operate well in winter. On very cold days, to stay warm the drivers and conductors placed their feet on heated bricks and put bottles with boiling water underneath their coats.”

Воспоминания краеведа Стефана Захарова: “9 ноября 1929 года я первый раз проехал на трамвае. В каждом вагоне был кондуктор. Громким голосом он объявлял остановки, а чтобы дать сигнал отправления, дёргал за конец длинной верёвки. Верёвка эта соединялась со звонком в кабине вагоновожатого. Только после сигнала кондуктора трамвай отправлялся. Зимой трамваи не ходили. Вагоновожатый и кондуктор в сильные морозы накаливали кирпичи и подкладывали их под ноги. А бутылки с кипятком прятали за пазуху”.

Здание Штаба Уральского военного округа. Улица Ленина. 1940-е годы. ГАСО
Ural Military District headquarters. Lenina Street. 1940s. GASO

Артисты театра оперы и балета на занятиях по стрельбе. 1935 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Actors of the Opera and Ballet Theater at the shooting range. 1935. Photo by L. Surin. GASO

Свердловский театр оперы и балета имени А. Луначарского. Октябрь 1929 года. Фото Л. Сурина. ГАСО
Sverdlovsk Opera and Ballet Theater named after A. Lunacharsky. October 1929. Photo by L. Surin. GASO

Кинотеатр “Совкино”. Перекрёсток улиц Ленина и Карла Либкнехта. 1935 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
“Sovkino” cinema. Lenina Street – Karla Liebknechta Street intersection. 1935. Photo by L. Surin. GASO

From the memoirs of the regional ethnographer Stephan Zakharov: “Not a single celebration in Sverdlovsk went by without a brass band. Foxtrot changed into tango, tango — into hopak, hopak — into polka. In short, they danced wherever the music reached. In 1930s, the total liking for dancing began, involving both the old, and the young. Many clubs offered dancing lessons. The course done by the Musical Comedy Theater was considered the best.”

Воспоминания краеведа Стефана Захарова: “В Свердловске ни один праздник не проходил без духового оркестра. Фокстрот сменялся танго, танго — гопак, гопак — полькой. Словом, куда доносилась музыка, там и танцевали. В тридцатые годы началось поголовное увлечение танцами, увлекались и старые, и молодые. Во многих клубах действовали кружки по обучению танцам. Лучшим считался кружок при театре музыкальной комедии”.

Артистка Свердловского театра музыкальной комедии Полина Емельянова (1906–1983). 1935 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Actress of the Sverdlovsk Musical Comedy Theater, Polina Yemelyanova (1906–1983). 1935. Photo by L. Surin. GASO

Площадь Народной мести. 1937 год. МИЕ

Narodnoy Mesti (People's Revenge) Square. 1937. MIE

Ремонт эстрадного театра в Саду имени Вайнера. Улица Первомайская. 1940 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Repairs of the stage theater in Vayner Park. Pervomayskaya Street. 1940. Photo by L. Surin. GASO

“Uralskiy Rabochiy” from September 1, 1937, on the opening of the Sverdlovsk Pioneers’ Palace: “Young pioneers of Sverdlovsk take possession of their palace. In front of them, the doors of seventy rooms full of wonders dutifully open. The shining ceiling radiates the soft light of invisible electric suns. The jungle of a tropical forest is depicted on the walls. This marvelous garden is guarded by a “mechanized bear”. It roars, turns its head and waves its paws.”

Газета “Уральский рабочий” от 1 сентября 1937 года об открытии Свердловского дворца пионеров: “Свердловские пионеры вступают во владение своим дворцом. Перед ними послушно открываются двери семидесяти комнат, полных чудес. Святящийся потолок излучает мягкий свет невидимых электрических солнц. Заросли тропического леса изображены на стенах. А стережёт этот дивный сад “механизированный медведь”. Он рычит, ворочает головой и машет лапами”.

Активистки Свердловского дворца пионеров Муза Бойко и Лида Кошубо. 1938 год. Фото М. Ананьина. МИЕ
Activists of the Sverdlovsk Pioneer Palace – Muza Boyko and Lida Koshubo. 1938. Photo by A. Ananyin. MIE

Первомайская демонстрация. Перекрёсток улиц Первомайской и Карла Либкнехта. 1927 год. ГАСО
Labor Day demonstration. Pervomayskaya Street – Karla Liebknehta Street intersection. 1927. GASO

Прибытие поезда с полярниками парохода “Челюскин” в Свердловск. На паровозе портрет руководителя экспедиции О. Шмидта. 1934 год. ГАСО
Train with members of the steamship “Chelyuskin” polar expedition arrives in Sverdlovsk. Portrait of the expedition leader O. Schmidt is on the train. 1934. GASO

Демонстрация ОСОАВИАХИМа (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). 1927 год. ГАСО
Society for Assistance to Defense, Aviation, and Chemical Industry demonstration. 1927. GASO

Первомайская демонстрация. Улица Карла Либкнехта. 1927 год. ГАСО
Labor Day demonstration. Karla Liebknecht Street. 1927. GASO

Объявление у редакции “Уральского рабочего” о приговоре суда по “Делу Промпартии”. Улица Вайнера. 7 декабря 1930 года. Фото Л. Сурина. ГАСО
Announcement of the verdict on the “Industrial Party Trial” by the editorial office of “Uralskiy Rabochiy”. Vaynera Street. December 7, 1930. Photo by L. Surin. GASO

Мастерские Союза советских художников Свердловской области. 1940 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Workshops of the Soviet artists' union of Sverdlovsk Oblast. 1940. Photo by L. Surin. GASO

Первомайский парад. Площадь 1905 года. 1930 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Labor Day parade. Square of 1905. 1930. Photo by L. Surin. GASO

“Na Smenu!” from October 2, 1929, on the relics of St. Simeon of Verkhoturye: “Metropolitan Sergiy (who talked to our employees about the value of St. Simeon’s right hand), besides the talk on how important to every believer are the material reminders of the saints’ presence in this sinful world, also showed the very shrine with the hand stored inside. It was a small wooden box covered with brocade and silk. Scenes from Simeon’s life were depicted on the top. That bone, like we mentioned before, is surrounded by ridiculous rumors of miraculous healings of all sorts. Thus we demand calling a special committee to remove this “saint” bone from Ekaterininsky cathedral.”

Газета “На смену!” от 2 октября 1929 года о мощах Святого Симеона Верхотурского: “Митрополит Сергей, беседовавший с нашими сотрудниками о ценности правой руки Симеона Верхотурского, кроме разговоров о том, как дороги каждому верующему вещественные воспоминания о пребывании на грешной земле святых, показал и самую раку, в которой находится рука. Маленький деревянный ящичек, покрытый парчой и шёлком. Наверху изображения Симеона в жизни. Вокруг этой кости, как мы уже сказали, носятся нелепые слухи о всевозможных исцелениях. Поэтому мы требуем созыва особой комиссии для изъятия “святой” кости из Екатеринбургского собора”.

Сброс колоколов с Богоявленского собора. Площадь 1905 года. 1930 год. ГАСО
Bells dropped down from Bogoyavlensky (Epiphany) cathedral. Square of 1905. 1930. GASO

Комиссия по вскрытию мощей Святого Симеона Верхотурского в Екатерининском соборе. 17 ноября 1929 года. ГАСО
Committee on opening the relics of Saint Simeon of Verkhoturye in Ekaterininsky cathedral. November 17, 1929. GASO

Вскрытие мощей Святого Симеона Верхотурского в Екатерининском соборе. 17 ноября 1929 года. ГАСО
Relics of Saint Simeon of Verkhoturye opened in Ekaterininsky cathedral. November 17, 1929. GASO

Иконостас алтаря Александро-Невского собора женского Ново-Тихвинского монастыря. Март 1930 года. ГАСО
Altar Iconostasis in Alexandro-Nevesky cathedral of Novo-Tikhvinsky convent. March 1930. GASO

Вскрытие ковчега с мощами 25-ти угодников Божьих в Александро-Невском соборе женского Ново-Тихвинского монастыря. 17 ноября 1929 года. ГАСО

Reliquary with relics of 25 saints opened in Alexandro-Nevisky cathedral of Novo-Tikhvinsky convent. March 1930. GASO

Разбор иконостаса Александро-Невской (Лузинской) церкви. Улица Свердлова. 1929 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Iconostasis of Alexandro-Nevskaia church being pulled down. Sverdlova Street. 1929. Photo by L. Surin. GASO

Благоустройство перекрёстка улиц Ленина и Пушкина. 1932 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Landscape improvements at Lenina Street – Pushkina Street intersection. 1932. Photo by L. Surin. GASO

Здание Уралобкома ВКП(б) и Уралоблисполкома. Площадь Труда. Первая половина 1930-х годов. ГАСО

Ural Obkom (Oblast Committee) of the Communist Party and Oblispolkom (Executive Committee) building. Truda Square. First half of the 1930s. GASO

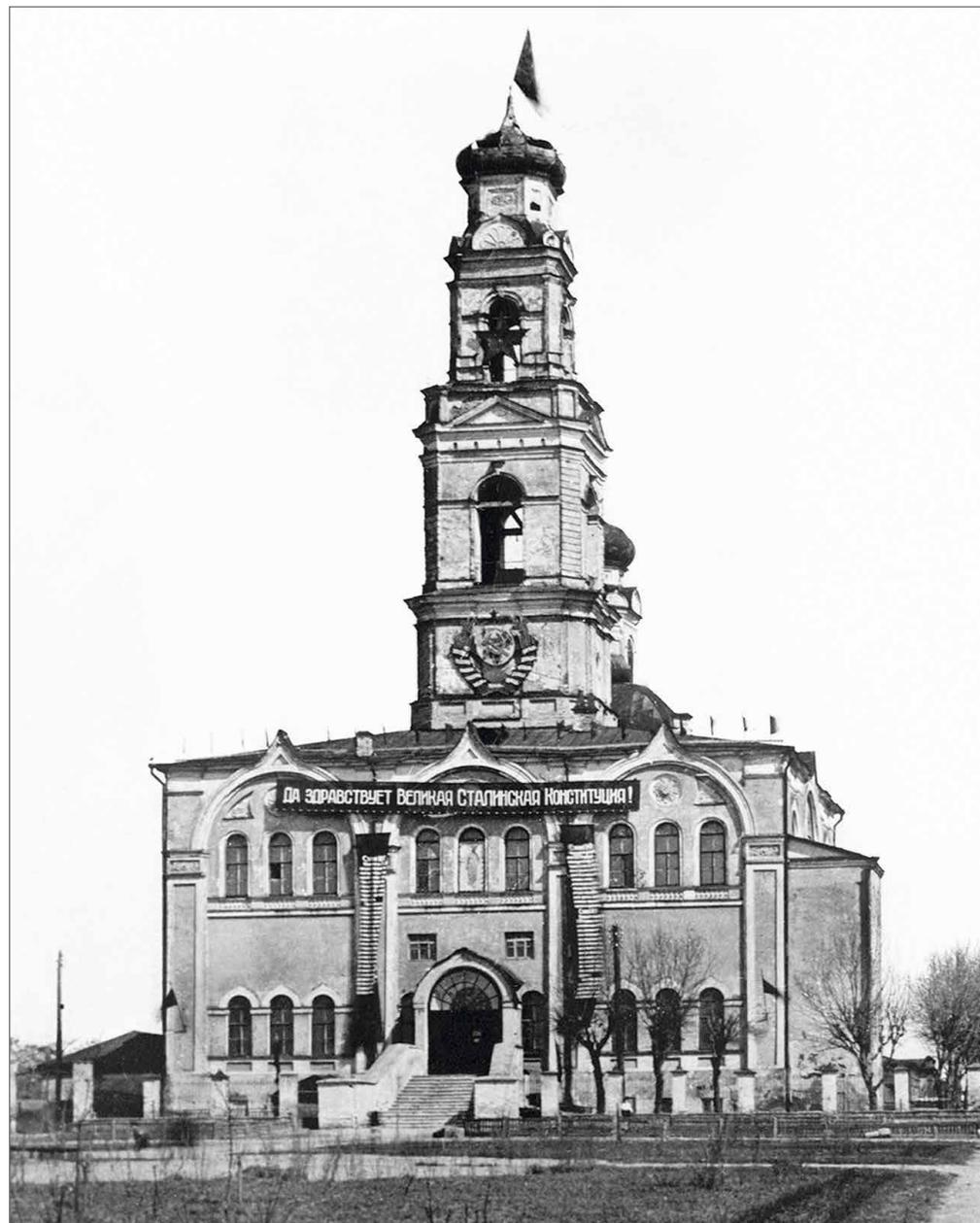

Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) Иван Кабаков (1891–1937) на концерте в школе аэроклуба. 1935 год. Фото И. Тюфякова. МИЕ

First secretary of Sverdlovsk Oblkom (Oblast Committee) of the Communist Party Ivan Kabakov (1891–1937) at a concert in flight school. 1935. Photo by I. Tyufyakov. MIE

From the memoirs of Yuri Mikhailovich Korolev, the son of the personal driver to Ivan Kabakov, the highest ranked leader of the Communist Party in the region in 1929–1937: “Mikhail, I am going to Moscow for the plenum. I don’t know what will come out of it, and so I ask you to take several books from my library, to remember me and our common work,” said Kabakov. My father was confused at first, but then took a volume by Pushkin, one by Tolstoy, one by Chekhov and one by Turgenev. A week later everyone learned that Kabakov had been arrested as the “enemy of the people”. Ivan Kabakov was subjected to repressions in October 1937.

Воспоминания Юрия Михайловича Королёва, сына водителя Ивана Кабакова, высшего партийного руководителя области в 1929–1937 годах: “Михаил, я еду на пленум в Москву. Чем там дело кончится, не знаю, и поэтому прошу тебя взять из моей библиотеки несколько книг “на память” обо мне и нашей совместной работе”, — сказал Кабаков. Отец мой сначала смутился, но затем взял по тому из Пушкина, Толстого, Чехова и Тургенева. А неделю спустя все узнали, что Кабаков арестован как враг народа”. Иван Кабаков репрессирован в октябре 1937 года.

Вознесенская церковь, преобразованная в школу. 1936 год. МИЕ
Voznesenskaya (Ascension) church, turned into school. 1936. MIE

Сквер перед Городским драматическим театром. Перекрёсток улиц Ленина и Вайнера. 1934 год. МИЕ
Public garden in front of the city Drama Theater. Lenina Street – Vaynera Street intersection. 1934. MIE

Демонстрация членов МОПР (Международная организация помощи борцам Революции). 1932 год. Фото Л. Сурина. ГАСО

Demonstration of the MOPR (International Red Aid) members. 1932. Photo by L. Surin. GASO

Василий Головин (5-й секретарь Уралобкома ВКП(б)), Михаил Ошвинцев (председатель Уралоблисполкома), Иван Кабаков (1-й секретарь Уралобкома ВКП(б)). 1932 год. МИЭ
Vasily Golovin (5th secretary), Mikhail Oshvintsev (chair of the Executive Committee), Ivan Kabakov (1st secretary of Ural Obkom (Oblast Committee) of the Communist Party). 1932. MIE

From Anatoly Paramonov's memoirs on Mikhail Oshvintsev, chairman of Ural Oblispolkom (Executive Committee) in 1929–1933: "The situation with agriculture in the Urals was a difficult one during those years. Collectivization and dispossession of the kulaks were not going smoothly, not without extremes. Fast results were demanded from above. Livestock population dropped, especially horses. Thus forced plowing using cows. Upon returning from kolkhozes Oshvintsev worried heavily about what he had seen there. With such bitterness he told us about cow plowing brigades he had helped organizing! With such hope he talked about the Chelyabinsk Tractor Plant to be launched soon!" Oshvintsev worked in Moscow since 1933. Subjected to repressions in 1937.

Анатолий Парамонов вспоминал о Председателе Уралоблисполкома в 1929–1933 годах Михаиле Ошвинцеве: "Нелёгкой была в те годы проблема сельского хозяйства на Урале. Коллективизация, раскулачивание. Не без перегибов. Требования сверху высоких темпов. Падение поголовья скота, в особенности конского. Вынужденная пахота на коровах. Возвращаясь из колхозов, Ошвинцев мучительно переживал виденное. С какой горечью он рассказывал нам о коровьих бригадах на пахотах, которые он помогал организовывать! С какой надеждой он говорил о Челябинском тракторном заводе, пуск которого приближался!" С 1933 года Ошвинцев работал в Москве. Репрессирован в 1937 году.

Трибуна на Площади 1905 года. Слева сверху — фотограф Леонид Сурин. 1935 год. МИЕ
Tribune on Square of 1905. Photographer Leonid Surin, top left. 1935. MIE

Парад физкультурников на Площади 1905 года. 1939 год. МИЕ
Athletes' parade on Square of 1905. 1939. МИЕ

From the memoirs of the writer Boris Ryabinin: “Those who lived in Sverdlovsk before the war almost certainly happened to see this man with the appearance that automatically caught one’s attention. He was thickset, solidly built, with a bright red beard, dressed in a black smock. Under his arm he usually carried a photographic tripod stand, and on a belt across his shoulder — a bag with his camera. Omnipresent, he seemed to manage being at several places at once. He had all sorts of nicknames — “the red-bearded one”, “the fidget”, “the restless”. But the very first and probably the most notable of his names was “the Red photographer comrade Surin.”

Воспоминания писателя Бориса Рябина: “Тому, кто жил в Свердловске в предвоенные годы, наверняка приходилось встречать мужчину с внешностью, невольно привлекавшей к себе внимание: коренастого, плотного, в тёмной толстовке, с ярко-рыжей бородой. Под мышкой у него обычно торчала фотографическая тренога, а на ремне, перекинутом через плечо, висела большая кожаная сумка с фотоаппаратом. Вездесущий, он, казалось, успевал побывать одновременно в нескольких местах. Как только не называли его — “рыжебородый”, “непоседа”, “неугомонный”. Но самым первым и, вероятно, самым примечательным было: “красный фотограф товарищ Сурин”.

Парад на Площади 1905 года. 1930-е годы. Фото В. Тёмина. РГАКФД
Parade on Square of 1905. 1930s. Photo by V. Temin. RGAKFD

Второй дом Горсовета. Улица Володарского. Начало 1930-х годов. ГАСО
Second Gorsovet House. Volodarskogo Street. Early 1930s. GASO

In February 1920 Samuil Chudnovsky ran Cheka (Emergency Committee) in Irkutsk and was in charge of Admiral Kolchak's execution. He later recalled, "I went to the solitary building and opened the cell. The "Ruler" stood not far from the door. I read the order of the revolutionary committee to him. He was then handcuffed. "Will there be no trial? Why no trial?" Holding back the laughter I said, "Since when have you become an advocate of executions only after a trial?" In 1928–1933 Chudnovsky was the chairman of the Ural Oblast Court, since 1935 – of Leningrad Oblast Court. Subjected to repressions in 1937.

В феврале 1920 года Самуил Чудновский возглавлял иркутское ЧК и руководил казнью адмирала Колчака. Вот как он вспоминал об этом: "Я направился в одиночный корпус и открыл камеру. "Правитель" стоял недалеко от двери. Я прочёл ему приказ ревкома. После этого ему одели наручники. "А разве суда не будет? Почему без суда?" Удерживаясь от смеха, я сказал: "Давно ли Вы стали сторонником расстрела только по суду?" С 1928 по 1933 годы Чудновский был Председателем Уральского областного суда, затем с 1935 года – Ленинградского областного суда. Репрессирован в 1937 году.

Председатель Уральского областного суда Самуил Чудновский (1889–1937). 1933 год. МИЕ
Chairman of the Ural Oblast Court Samuil Chudnovsky (1889–1937). 1933. MIE

Улица Вайнера. 1930-е годы. Фото БТИ. МИЕ
Vaynera Street. 1930s. Photo by BТИ. MIE

Шарташский рынок. 1932 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Shartash market. 1932. Photo by L. Surin. GASO

“Нахаловка” — район самовольной застройки за улицей Восточной. 1927 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
“Nakhalovka” — a squatter settlement beyond Vostochnaya Street. 1927. Photo by L. Surin. GASO

Начало строительства Уралмаша. 15 июля 1928 года. ГАСО
Beginning of Uralmash plant construction. July 15, 1928. GASO

Корчевание пней на площадке Уралмаша. 1929 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Stump uprooting at Uralmash plant site. 1929. Photo by L. Surin. GASO

Образцовый барак строителей Уралмаша. 1929 год. Музей УЗТМ
Exemplary barrack of construction workers at Uralmash plant. 1929. UZTM museum

Баракы первых строителей Уралмаша. 1929 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Barracks of the first construction workers at Uralmash plant. 1929. Photo by L. Surin. GASO

Один из цехов Уралмаша. 1930 год. Музей УЗТМ
One of the shops at Uralmash plant. 1930. UZTM museum

Крестьянская семья на строительстве Уралмаша. 1929 год. МИЕ
Peasant family at the construction of Uralmash plant. 1929. MIE

Общий вид Уралмаша. 1933 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
View of Uralmash plant. 1933. Photo by L. Surin. GASO

147 Нарком по военным и морским делам СССР Климент Ворошилов (1881–1969) на Уралмаше (слева — директор строительства Александр Банников (1895–1932)). 1931 год. ГАСО
People's Commissar for Military and Navy Affairs Kliment Voroshilov (1881–1969) at Uralmash plant (on the left — the construction director Alexander Bannikov (1895–1932)). 1931. GASO

Площадь Первой пятилетки. 1930-е годы. Музей УЗТМ
Pervoy Pyatiletki Square. 1930s. UZTM museum

Водонапорная башня Уралмаша. 1930-е годы. Музей УЗТМ
Water tower of Uralmash plant. 1930s. UZTM museum

Самолёты ОСОАВИАХИМА (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). 1935 год. Фото М. Ананьина. МИЕ
Airplanes of the Society for Assistance to Defense, Aviation, and Chemical Industry. 1935. Photo by M. Ananyin. MIE

В первые месяцы войны летом 1941 года на Урал потянулись эшелоны с заводами, театрами, музеями, техническими специалистами и эвакуированными. “Передвигались десятки тысяч станков, молотов, прессов, турбин. Двигались тысячи рабочих, инженеров и техников. Это был своеобразный период перемещения производительных сил СССР. На Урале, на Волге и в Сибири была создана мощная производственная основа Отечественной войны”, — уже после Победы подвёл итог председатель Госплана СССР Н. Вознесенский.

Четверть всех эвакуированных нашла пристанище на Урале. Никогда прежде регион не переживал такого демографического роста, население Свердловской области увеличилось вдвое. Расселение эвакуированных осуществлялось за счёт уплотнения местных жителей, под жильё использовались чердаки, сараи, гаражи, вагоны, землянки...

Город в эти годы превратился в госпиталь и военный завод. За период войны в Свердловске было создано сорок госпиталей на 16 тысяч коек, самый крупный располагался

в Доме промышленности. Большая часть мужчин ушла на фронт, у станков их сменили женщины и дети. Все они жили одной мыслью, одним делом, одной мечтой о трудной, но неминуемой Победе.

Вокруг эвакуированных предприятий выросли новые районы: Химмаш, Эльмаш и другие. Чтобы наладить транспортное сообщение между Уралхиммашзаводом и городом, в 1943 году была смонтирована троллейбусная линия. Третьим в стране, после Москвы и Горького, Свердловск получил современный по тем временам вид общественного транспорта.

После войны эвакуированные заводы остались на Урале навсегда. В конце 1940-х — начале 1950-х годов в Свердловске начался новый этап массового строительства высотных жилых домов. Именно в тот период появилась неоклассическая застройка улиц Свердлова, Ленина между Восточной и УПИ, Баумана с микрорайоном Эльмаш, Грибоедова с микрорайоном Химмаш. На строительстве многих объектов использовался труд немецких военнопленных.

In the first months of the Great Patriotic War, during the summer of 1941, entire echelons with industrial plants, theaters, museums, technical specialists, and evacuated personnel arrived in the Urals. “Tens of thousands of machinery pieces, hammers, presses, turbines had been transferred. Thousands of workers, engineers, and technicians were moved. It was a time of migration for the manufacturing force in the USSR. A powerful manufacturing basis for the Patriotic War was then formed in the Urals, the Volga region, and Siberia,” — a chairman of the USSR State Planning Committee N. Voznesenskiy summed up after the war.

A quarter of all the people evacuated from the regions directly affected by war found refuge in the Urals. Never before the region had experienced such a dramatic demographic increase, the population of Sverdlovsk Oblast instantly doubled. The resettlement of the evacuated was achieved by “compaction” of the locals; attics, barns, garages, wagons, dugout huts were all used for housing.

During those years the city turned into a hospital and a military factory. 40 hospitals with 16,000 cots were formed in Sverdlovsk during the war, the biggest one occupying the House

of Industry. The greater part of adult male population left for the battlefield, women and children replacing them at the factory machines. They all lived by just one idea, one mission, one dream about a difficult but inevitable Victory.

New districts were built around the evacuated plants: Khimmash, Elmash, and others. A trolley line was launched in 1943 to arrange a commute between the Ural Plant of Chemical Machinery (Khimmash) and the city. Sverdlovsk was the third city in the country, after Moscow and Gorky, to receive this modern at the time type of public transport.

After the war the evacuated plants remained in the Urals forever. In the late 1940s — early 1950s a new stage of mass high-rise residential construction began in Sverdlovsk. It was during this time that the so-called neoclassical architecture appeared on Sverdlova Street, Lenina Avenue (between Vostochnaya Street and Ural Polytechnical Institute), Baumana Street and Elmash district, Griboyedova Street and Khimmash district. Many construction sites used the labor of German prisoners of war.

Учащиеся Школы медсестёр РОКК (Российского общества Красного Креста) на параде. 1 мая 1939 года. МИЕ

Students of the Russian Red Cross school for nurses at the parade. May 1, 1939. MIE

From the memoirs of the writer Boris Ryabinin on the first day of war: “Sunday, June 22 was a nice day — clear, warm and calm. Clouds in the sky — white as milk, with sunlight running through them — seemed motionless. A clear, distinct voice came through the opened window, “Attacked our borders in many locations and bombed our cities...” The street was empty. The room where the voice came from seemed empty as well. Only the radio — the tragic messenger — was alive, piercing the heart with cold anguish.”

Воспоминания писателя Бориса Рыбина о первом дне войны: “Воскресенье, 22 июня, день был хорош: ясный, тёплый, безветренный. Белые, как молоко, облака на небе казались неподвижными и насквозь пронизанными солнцем. Из открытого окна доносился отдельный, внятный голос: “Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке наши города...” Улица была пустыня. Пустой казалась и комната, из глубины которой говорил голос. Только жило радио — вестник несчастья — холодной тоской проникавшее в сердце”.

Первый день войны. Площадь 1905 года. 22 июня 1941 года. Фото Ж. Берланда. МИЕ
The first day of the war. Square of 1905. June 22, 1941. Photo by G. Berland. MIE

На военном заводе. 1943 год. Фото Ж. Берланда. МИЕ
At the military plant. 1943. Photo by G. Berland. MIE

Концерт на военном заводе. 1942 год. Фото М. Инсарова. МИЕ
Concert at the military plant. 1942. Photo by M. Insarov. MIE

From the memoirs of the writer Maya Nikulina: “Sverdlovsk during the war was all about tanks, hospitals, vegetable gardens... But very soon, since the very beginning of the war, refugees evacuated from the west of the country began arriving — from the Ukraine, Belarus, then from Leningrad. Very soon we learned what hunger was like. The very first year of the war robbed the residents clean: everything that had any barter value was exchanged for potatoes and flour. Since the spring of 1942 we completely fell on hand-to-mouth prospects.”

Воспоминания писательницы Майи Никулиной: “Военный Свердловск — танки, госпиталя, огороды... Но с самого начала войны, очень скоро, — беженцы, эвакуированные с запада: с Украины, из Белоруссии, потом из Ленинграда. Мы скоро узнали, что такое голод. Уже первый военный год обобрал горожан до нитки: всё, что имело хоть какую-то меновую стоимость, отдано было за картошку и муку. С весны 1942 года мы решительно перешли на подножный корм”.

Фабрика “Уралобувь”. 1943 год. Фото М. Инсарова. МИЕ
“Uralobuv” shoe factory. 1943. Photo by M. Insarov. MIE

Самоходная установка СУ-85, сделанная на средства работников театра оперы и балета имени А. Луначарского. 1943 год. Фото Ж. Берланда. МИЕ
Self-propelled gun SU-85, financed by the employees of Opera and Ballet Theater named after A. Lunacharsky. 1943. Photo by G. Berland. MIE

Цех по сборке самоходных артиллерийских установок. УЗТМ. 1943–1945 годы. Фото Ж. Берланда. Музей УЗТМ
Self-propelled guns assembly shop. Ural Heavy Machine Building Plant (UZTM). 1943–1945. Photo by G. Berland. UZTM museum

Выпускники курсов младших лейтенантов при УралВО. 1943 год. Фото Г. Авраменко. МИЕ
Graduates of the junior lieutenant course in the Ural Military District. 1943. Photo by G. Avramenko. MIE

Палата в госпитале № 414 (располагался в Доме Промышленности). 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
A ward in hospital № 414 (located in the House of Industry). 1943. Photo by L. Surin. GASO

Операционная в госпитале № 414 (располагался в Доме Промышленности). 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Operating room in hospital № 414 (located in the House of Industry). 1943. Photo by L. Surin. GASO

Раненые солдаты на концерте в госпитале № 414 (располагался в Доме Промышленности). 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Wounded soldiers at the concert in hospital № 414 (located in the House of Industry). 1943. Photo by L. Surin. GASO

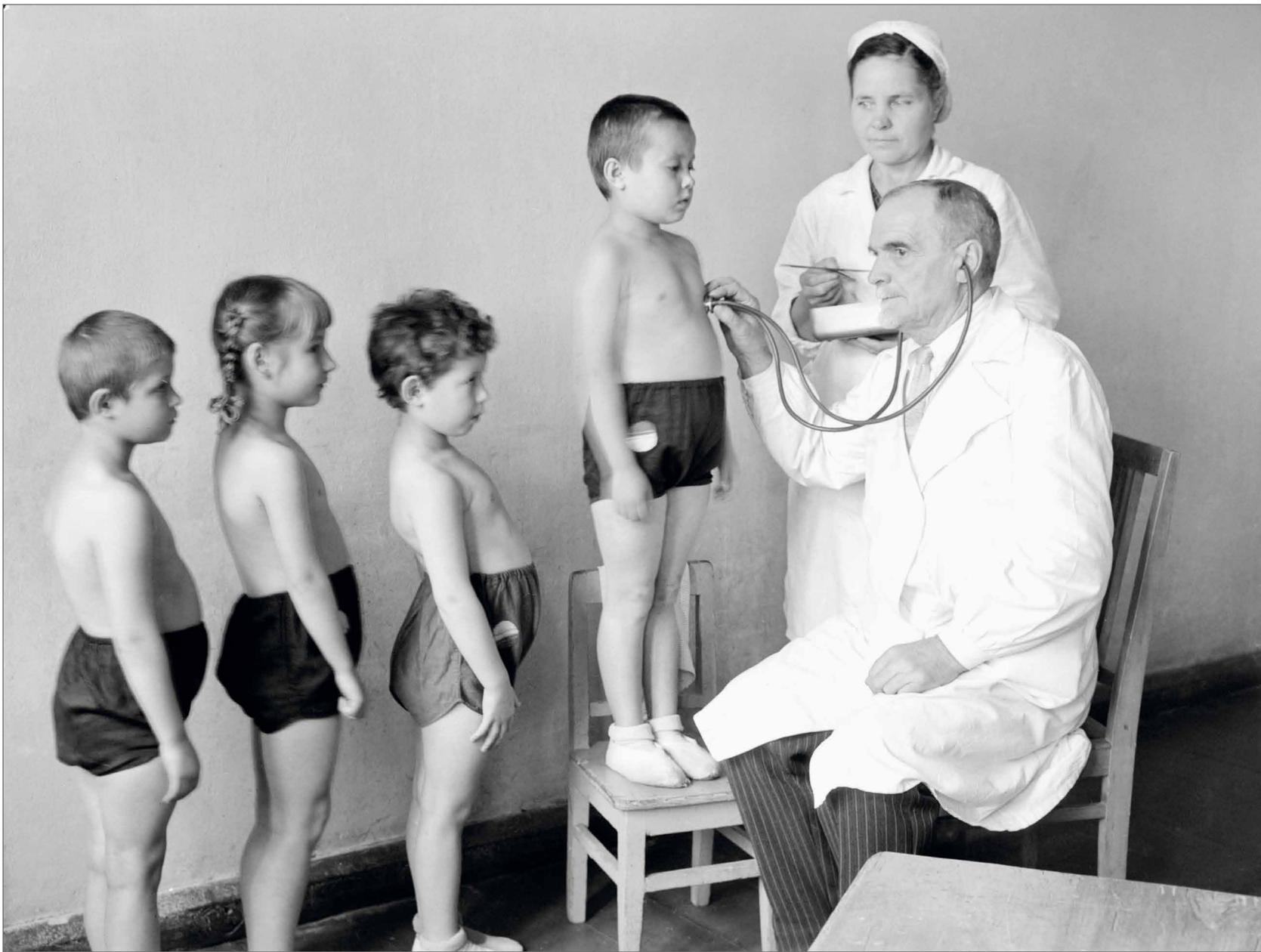
Раненый солдат в госпитале № 414 (располагался в Доме Промышленности). 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
A wounded soldier in hospital № 414 (located in the House of Industry). 1943. Photo by L. Surin. GASO

В детском туберкулёзном санатории на улице Мамина-Сибиряка. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
At tuberculosis sanatorium for children on Mamina-Sibiryaka Street. 1943. Photo by L. Surin. GASO

Игрушки в детском туберкулёзном санатории на улице Мамина-Сибиряка. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Toys at tuberculosis sanatorium for children on Mamina-Sibiryaka Street. 1943. Photo by L. Surin. GASO

В детском туберкулёзном санатории на улице Мамина-Сибиряка. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
At tuberculosis sanatorium for children on Mamina-Sibiryaka Street. 1943. Photo by L. Surin. GASO

В детском туберкулёзном санатории на улице Мамина-Сибиряка. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
At tuberculosis sanatorium for children on Mamina-Sibiryaka Street. 1943. Photo by L. Surin. GASO

В интернате для девушек при Уралмашзаводе на улице Машиностроителей, 4. 1944 год. Частный архив
At Uralmash plant's boarding school for girls at 4, Mashinostroiteley Street. 1944. Private archive

Ремесленное училище № 21. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Vocational school № 21. 1943. Photo by L. Surin. GASO

Занятия по физкультуре в ремесленном училище № 21. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Physical training at the vocational school № 21. 1943. Photo by L. Surin. GASO

Занятия по военной подготовке в ремесленном училище № 21. 1943 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Military training at the vocational school № 21. 1943. Photo by L. Surin. GASO

День Победы. Площадь 1905 года. 9 мая 1945 года. Фото Г. Авраменко. МИЕ
Victory Day. Square of 1905. May 9, 1945. Photo by G. Avramenko. MIE

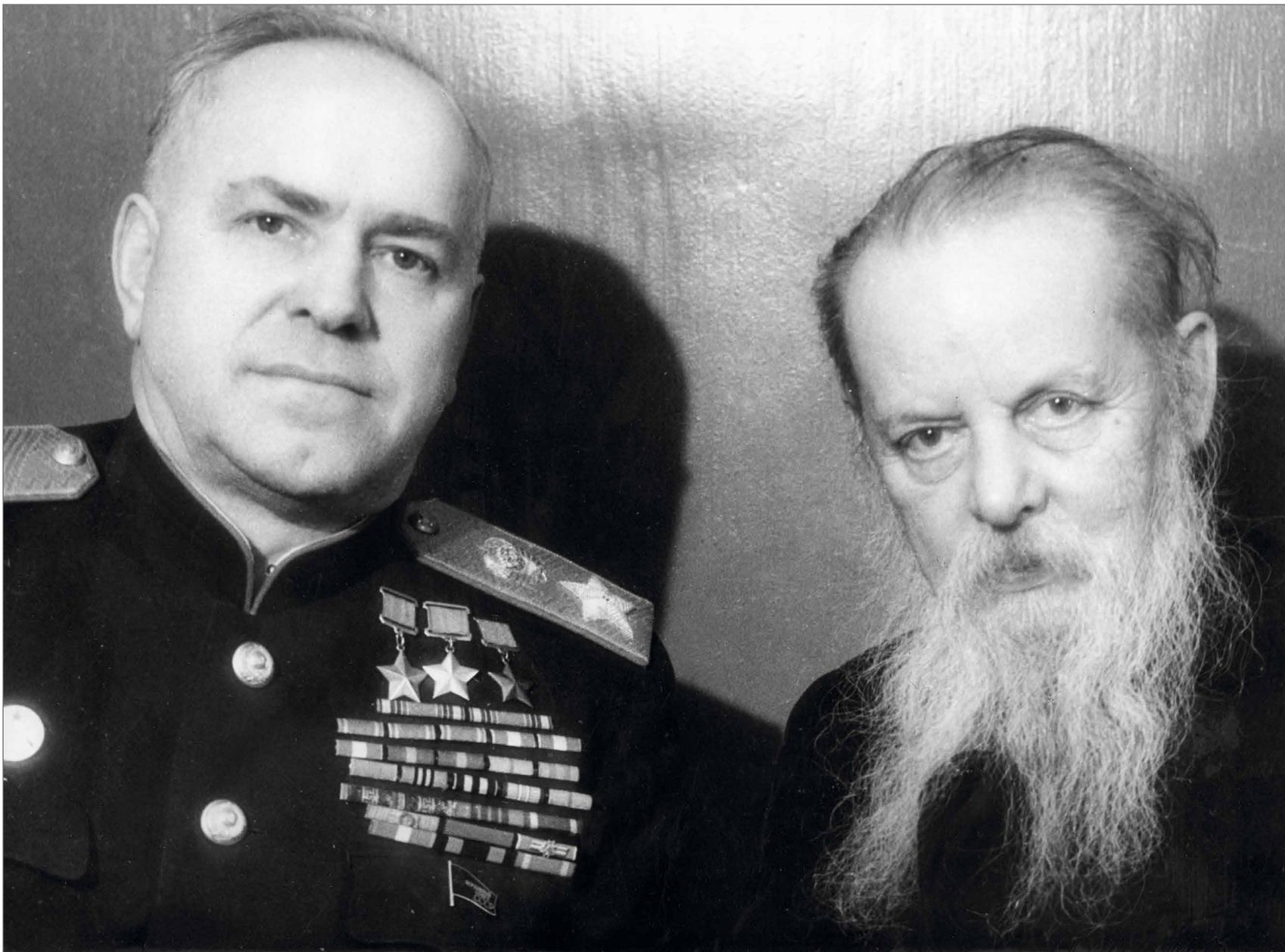
День Победы. Площадь 1905 года. 9 мая 1945 года. Фото Г. Авраменко. МИЕ
Victory Day. Square of 1905. May 9, 1945. Photo by G. Avramenko. MIE

Свердловский Городской Совет. Площадь 1905 года. 1950 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Sverdlovsk Gorsoviet (City Council). Square of 1905. 1950. Photo by L. Surin. GASO

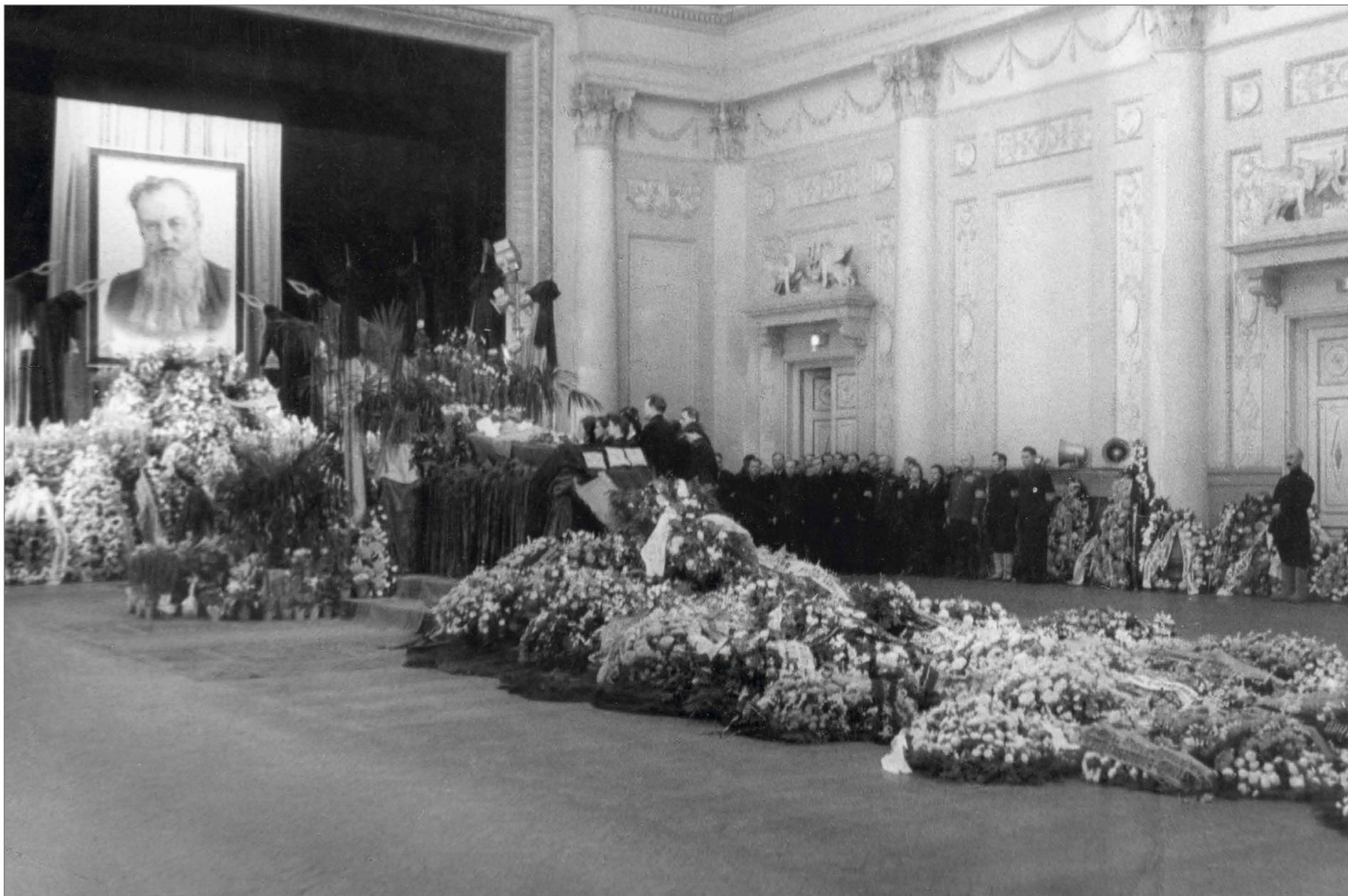

Маршал Советского Союза Георгий Жуков (1896–1974) на параде в Свердловске. 1 мая 1950 года. Фото И. Тюфякова. МИЕ
Marshal of the Soviet Union Georgy Zhukov (1896–1974) at Labor Day parade in Sverdlovsk. May 1, 1950. Photo by I. Tyufyakov. MIE

Маршал Советского Союза Георгий Жуков (1896–1974) и уральский писатель Павел Бажов (1879–1950). 1950 год. Фото И. Тюфякова. МИЕ
Marshal of the Soviet Union Georgy Zhukov (1896–1974) and the Ural writer Pavel Bazhov (1879–1950). 1950. Photo by I. Tyufyakov. MIE

Церемония прощания с Павлом Бажовым в Свердловской филармонии. 9 декабря 1950 года. Фото И. Тюфякова. МИЕ
Funeral ceremony for Pavel Bazhov in Sverdlovsk Philharmonic. December 9, 1950. Photo by I. Tyufyakov. MIE

Маршал Советского Союза Георгий Жуков на похоронах Павла Бажова. Ивановское кладбище. 10 декабря 1950 года. Фото И. Тюфякова. МИЕ
Marshal of the Soviet Union Georgy Zhukov at the funeral of Pavel Bazhov. Ivanovskoye cemetery. December 10, 1950. Photo by I. Tyufyakov. MIE

Перекрёсток улиц Малышева и Пушкина. 1948 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Malysheva Street – Pushkina Street intersection. 1948. Photo by L. Surin. GASO

Перекрёсток улиц Мальшева и Чернышевского. 1949 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Malysheva Street – Chernyshevskogo Street intersection. 1949. Photo by L. Surin. GASO

Свердловская киностудия. Улица Ленина. 1950 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Sverdlovsk Film Studios. Lenina Street. 1950. Photo by L. Surin. GASO

Джазовый оркестр ДК "Железнодорожников". 1949 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Jazz band of "Zheleznodorozhnikov" Palace of Culture. 1949. Photo by L. Surin. GASO

Свердловчанка. Середина 1950-х годов. МИЕ

A resident of Sverdlovsk. Mid-1950s. MIE

Кондитерский магазин на улице Карла Либкнехта. 1952 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Confectionery shop on Karla Liebknehta Street. 1952. Photo by L. Surin. GASO

Кафе на улице Карла Либкнехта. 1950 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Cafe on Karla Liebknechta Street. 1950. Photo by L. Surin. GASO

From the memoirs of the regional ethnographer Stephan Zakharov: “25 small trolleys with wooden trunks covered with plate iron were delivered from Kuybyshev. All those cars had previously been used (Kuybyshev had received them from Moscow) and were out of commission soon. What was there to do? It was decided to select the least depreciated of the old trolleys and complete them with parts taken from other cars. As a result, on the morning of October 17, 1943 six freshly painted blue trolleys stood by the fire station. Followed by applause and the sounds of a brass band playing, they set out along Belinskogo Street towards Nizhne-Isetsk.”

Воспоминания краеведа Стефана Захарова: “Из Куйбышева доставили 25 небольших троллейбусов с деревянными корпусами, покрытыми листовым железом. Все эти машины, уже бывшие в эксплуатации (в Куйбышев они попали из Москвы), пришли в негодность. Что было делать? Решили выбрать из старых троллейбусов менее изношенные и дополнить деталями с других машин. И утром 17 октября 1943 года у пожарной части стояли шесть голубых свежеразкрашенных троллейбусов. Под аплодисменты и звуки духового оркестра они тронулись по улице Белинского в сторону Нижне-Исетска”.

Один из первых троллейбусов в Свердловске. Улица Карла Либкнехта. 1940-е годы. Фото Л. Сурина. ГАСО
One of the first trolleys in Sverdlovsk. Karla Liebknechta Street. 1940s. Photo by L. Surin. GASO

From the memoirs of the architect Sofia Demidova: “My youth after the war coincided with the high point of Stalin’s cult of personality; but it would be absurd to say that we, the kids, somehow analyzed the fact. Of course we did not. We were loved and protected by our parents, and we were quite happy; believing that we live in the best country in the world, in the most fair state system, we sang, “The tireless, the mighty, the undefeatable my land is; my Moscow is the dearest of all...”

Воспоминания архитектора Софьи Демидовой: “Моё послевоенное отрочество проходило в самый разгар культа личности Сталина, но смешно было бы утверждать, что мы, дети, каким-то образом анализировали это обстоятельство. Конечно, нет. Нас любили и берегли родители, и мы были вполне счастливы, считали, что живём в самой лучшей стране, при самом справедливом строе, и пели: “Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая...”

Свердловский Городской Совет. Улица Ленина. Вторая половина 1950-х годов. *МИЕ*
Sverdlovsk Gorsovet (City Council). Lenina Street. Second half of the 1950s. *MIЕ*

Свердловчанин. Середина 1950-х годов. МИЕ
A resident of Sverdlovsk. Mid-1950s. MIE

From the memoirs of the architect Sofia Demidova: “When I turned thirteen, Stalin died. I can’t remember to what degree I liked Stalin, but when I was a child his name was included in my evening prayer every day. It was not of course a real prayer, but something of sorts. I remember feeling very confused when I heard my father’s muffled weeps, as he stood leaning his head on the radio set. He didn’t weep for a long time, though.”

Воспоминания архитектора Софьи Демидовой: “Когда мне исполнилось тринадцать лет, умер Сталин. Я не помню, в какой степени я любила Сталина, но в моей детской вечерней молитве его имя звучало ежедневно. Это была, конечно, не молитва, но какой-то аналог её. Помню, что очень смутилась, когда вдруг увидела глухо рыдающего папу, прислонившегося виском к радиоприёмнику. Правда, рыдал он недолго”.

Траурный митинг памяти И. В. Сталина. Площадь 1905 года. 6 марта 1953 года. Фото И. Тюфякова. ГАСО
Mourning rally in memory of J. Stalin. Square of 1905. March 6, 1953. Photo by I. Tyufyakov. GASO

Траурный митинг памяти И. В. Сталина. Площадь 1905 года. 6 марта 1953 года. Фото И. Тюфякова. ГАСО
Mourning rally in memory of J. Stalin. Square of 1905. March 6, 1953. Photo by I. Tyufyakov. GASO

Свердловчане. 1950-е годы. МИЕ
Residents of Sverdlovsk. 1950s. MIE

From the memoirs of Ida, the wife of the writer Vadim Ocheretin, on walking around Sverdlovsk at night: “The white nights in the Urals... are excitement and delight, even for a person with little imagination. During the white nights we walked the silent streets, until the sensation of tiredness settled in our calves, until 3–4 o’clock in the morning. We greeted the couples passing by. We stopped at the Dam – to admire the striking colors of the sky and the translucent clouds; Vadim repeated endlessly, “Our city is a beautiful one!”

Воспоминания жены писателя Вадима Очеретина Иды о прогулках по ночному Свердловску: “Уральские белые ночи... Такие, что для человека даже с небольшой фантазией — возбуждение и восторг. Белыми ночами мы до усталости в икрах бродили по молчаливым улицам до трёх—четырёх часов. Приветствовали встречные пары. Останавливались на плотинке — любовались необыкновенными красками неба, полупрозрачными облаками, и Вадим без конца повторял: “Красивый у нас город!”

Улица Свердлова. 1955 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Sverdlova Street. 1955. Photo by L. Surin. GASO

Перекрёсток улиц Карла Либкнехта и Шевченко. 1950 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Karla Liebknecht Street – Shevchenko Street intersection. 1950. Photo by L. Surin. GASO

Свердловчане. 1950-е годы. МИЕ
Residents of Sverdlovsk. 1950s. MIE

From the memoirs of Alexey Zykov: “Every morning the Germans were taken by cars to construction sites (for example, the big building at Vostochnaya Street – Dekabristov Street – Sibirskiy Trakt intersection). Their trips were accompanied with music, as they had an amateur band. They were all dressed identically: grey clothes, odd hats with long peaks, foot wraps, and boots. The older boys arranged exchanges with the prisoners: 2–3 pieces of bread for a wooden toy or a German whistle. The eldest of us even had mouth harmonicas.”

Воспоминания Алексея Зыкова: “ Каждое утро немцев на машинах увозили на стройки, в частности, большого дома на углу Восточной – Декабристов – Сибирского тракта. Ехали они с музыкой – у них был самодеятельный оркестр. Одеты были все одинаково: в серых одеждах, в необычных шапках с длинными козырьками, в ботинках с портянками. Пацаны повзрослее устраивали обмен: 2–3 куска хлеба на деревянную игрушку или немецкую свистульку. У наших старших были даже губные гармошки” .

Немецкие военнопленные в спецлагере № 476 МВД СССР перед возвращением в Германию. Нижне-Исетский посёлок. Февраль 1956 года. Фото А. Грахова. МИЕ
German prisoners of war in USSR Ministry of the Interior camp № 476, before their return to Germany. Nizhne-Isetsy settlement. February 1956. Photo by A. Grakhov. MIE

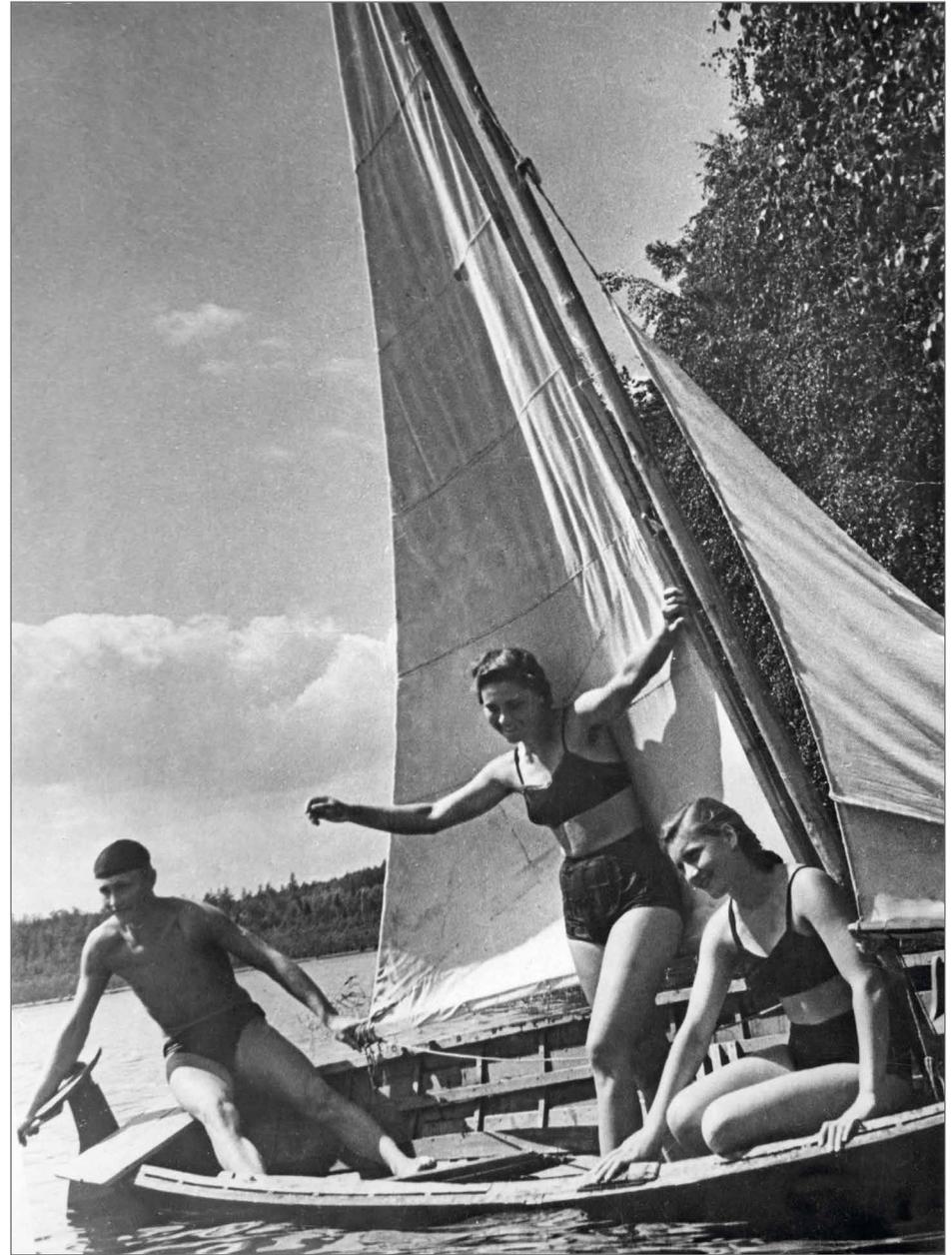
Улица Черняховского. Химмаш. 1953 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Chernyakhovskogo Street. Khimmash district. 1953. Photo by L. Surin. GASO

Площадь с фонтаном в ЦПКиО имени В. В. Маяковского. 1950 год. Фото Л. Сурина. ГАСО
Square with fountain in Mayakovsky Central Park of Entertainment and Culture. 1950. Photo by L. Surin. GASO

На Верх-Исетском пруду. 1950-е годы. Фото Л. Сурина. ГАСО
At Verkh-Isetsky pond. 1950s. Photo by L. Surin. GASO

На озере Шарташ. 1950-е годы. Фото И. Шубина. МИЕ
At Lake Shartash. 1950s. Photo by I. Shubin. MIE

Фотоальбом. Екатеринбург. История города в фотографии. Том II —

Екатеринбург: Некоммерческая организация – Фонд
“Фонд развития фотографии”, 2015. — 208 с.; илл.

Составители: А. В. Беркович, О. Ю. Сарафанов
Тексты, оформление, макет, вёрстка: А. В. Беркович

В издании использованы фотографии из фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Музея истории Екатеринбурга (МИЕ), Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), Музея истории УЗТМ (Музей УЗТМ) и частных архивов.

© А. В. Беркович

© Некоммерческая организация – Фонд “Фонд развития фотографии”

АО “Печатный дом “Формат”

620100, Екатеринбург, ул. Восточная, 27а. Телефон: +7 (343) 263-70-00
E-mail: sales@format.ru / Сайт: format.ru

ООО “Август Борг” (переплётные работы)

107497, Москва, ул. Амурская, 5, строение 2. Телефон: (495) 787-06-77
E-mail: mail@augustborg.ru / Сайт: augustborg.ru

Формат 60x90/8. Бумага мелованная. Гарнитура AcademyC
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25. Тираж 2 600 экз. Заказ № 1072

Photo album. Ekaterinburg. History of the city in photographs. Volume II —

Ekaterinburg: Photography Development Fund, 2015. — 208 p.; illustrated.

Compilation: A. V. Berkovich, O. Y. Sarafanov
Texts, design, layout: A. V. Berkovich

The album features photographs from Sverdlovsk Oblast State Archive (GASO), Sverdlovsk Oblast Center for Documentation of Public Organizations (CDOOSO), Ekaterinburg History Museum (MIE), The Russian State Documentary Film & Photo Archive (RGAKFD), UZTM History Museum (UZTM museum) and private archives.

© A. V. Berkovich

© Photography Development Fund (Ekaterinburg)

“Pechatny Dom “Format”, AO

27a Vostochnaya St., Ekaterinburg 620100, Russia. Telephone: +7 (343) 263-70-00
E-mail: sales@format.ru / Website: format.ru

“August Borg”, OOO (binding)

5 Amurskaya St., building 2, Moscow 107497, Russia
Telephone: +7 (495) 787-06-77 / Website: augustborg.ru

Format 60x90/8. Chalk overlay paper. Font AcademyC
Offset printing. 25 printer's sheets. 2 600 copies. Order № 1072